

ОГИЗ • Молодая Гвардия • 1931

10

СМЕНА

За боевое проведение второй большевистской весны

Вот как выглядели в те дни
наши бойцы и командиры
в те дни, когда мы боролись
за нашу свободу и счастье

Первые колонны тракторов на службе у посевного промфинплана

Смена

литературно-художественный и общест-
венно-политический иллюстрирован-
ный журнал рабочей молодежи

ОРГАН ЦИ И МК ВЛКСМ

Изд. ОГИЗ — МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Ответственный редактор **С. КИМРАД**

Заведующий редакцией **М. ЮНПРОФ**

Художники-оформители **А. ДРУЖКОВ и Е. МЕНБАРГ**

Адрес редакции: Москва, Центр,
Б. Чернышевский, б. т. 5-67-03

10 апреля 1931 г.

10

Черная касса

отрывок из повести „Взрыв“

в. кудинов

Очередь заколыхалась и удовлетворенная подалась вперед, когда окошечко кассы открылось и кассир объявил, что начинает выдачу.

Но зарплату выдавали не всем. Многие кассир посылала во вторую кассу.

— Он недоумевал:
— Что еще за вторая касса? Всегда получали здесь, а теперь бегай за своими деньгами по фабрике. Безобразно. Где там ваша новая касса?

— Как только прядильный проидешь, сейчас же идешь черная будка, это и есть касса,— хихидно улыбался кассир. И весело pokračивал:— Не задерживай, давай следующую! Ткач Лисицын, знаменитый плясунца и маторшинник, стоя умилялся:

— Додумывался, все же, мать вашу, давно говорила, устройте вторую кассу!— и злостов не будет.

Он хрипло захохотал, мотая головой, довольный тем, что сейчас подойдет его очередь.

— Сколько там причитается, шарьег?— прикрик он с любовью к окошечку.

— Лисицын, во вторую кассу!— громко объявила кассир.— Не задерживай. Следующий.

— А, в рот вашу корень,— недовольно зароборчал Лисицын.— Тут стой да там стой, и работай некогда.

— А много, дед, заработал в этом месяце?— засмеялся кто-то.

— Он через день пьяный бывает.

— Ну, ну, пьяный, ты что ли поил месяце?— недовольно поглядел на говорившего Лисицын.— В этом месяце у меня, брат, десять дней только прогулов, по бюджетно болел...

Слух о черной кассе пронесся по фабрике молниеносно.

Собравшаяся полукругом толпа сдержанно гудела, стоя на почтительном расстоянии от кассы. Иные шутники, выталкивая друг друга в круг, с ругательством отскакивали, пропада в толпе.

В понимании рабочих черная касса представлялась чем-то позорным, к чему подойти не совсем приятно. И в настороженном гуле толпы чувствовалось, что самый факт возникновения кассы есть уже позор для всей фабрики. Кое-кто мурлыкал, издавая спины других рассматривал плакаты, карикатуры, вывешенные на фабричных стенах кассы.

Гришка не пожалел красок и ярких слов, у самого окошечка висел лист бумаги, обведенный траурной каймой, сверху листа надпись:

«Сегодня получают зарплату злые люди (имя рек)».

По верхнему карнизу отчетливые строки, буквы:

«Прогульщик! Ты грязный вор, ты обокрал родную фабрику, государство, своих товарищей»

И вверху карикатуры, злые, под ними фамилии самых знаменитых и самых несправедливых. Вот одна с крупной надписью:

«Чемпион прогульчиков— Лисицын. Добро пожаловать, старый пудуг!»

Толпа загудела сильнее, когда внезапно показался сам Лисицын. Ничего не подозревая, он подошел к группе и спросил:

— Здесь, что ли, вторая касса? Кто последний?

Крайний рабочий весело отозвался:
— Мы подождем, Лисицын, тебе получать без очереди.

Все замолчали, с любопытством следя за Лисицыным. А тот, ничего не подозревая, рысцой подошел к окошечку кассы. Толпа грохнула хохотом.

Удивившись Лисицын остановился на подорожке и оглянулся, не понимая причины смеха.

Множество глаз обидно хохочущих лиц глядело на него.

Лисицын, все еще удивляясь, повернулся к кассе и увидел надпись:

«Чемпион прогульчиков— Лисицын. Добро пожаловать, старый пудуг!»

Старик съехался и глянул по сторонам, словно затравленный волк. Для него внезапно стал понятен и этот хохот и позорная черная касса.

Он наваливал на глаза фуражку с треснувшим козырьком и хотел шмыгнуть сквозь кольцо окружающих его людей. Но, видимо, раздумав, махнул рукой и, опустив глаза, устало подошел к кассе.

Вторым получал Свищ. Он сбил на затылок кепку и, нахально глядя по сторонам, молниевато подошел к окошечку.

Вары смеял не смутил его, и он нарочно медлил уходить, нетерпеливо пересчитывая полученные деньги. Засунув небрежно их в карман блузы, Свищ отошел к рабочим и заметил:

— Красота! Без всякой очереди и волокуты; пришел и получил. Хороша придумали!

Из толпы женский голос с любопытством спросил:

— А не жгут, Васи, деньги кармаг?

— Трудовые деньги не жгут, а загорятся— подожженной пива залью...

Один за другим подходили прогульщики к кассе. Иные сквозь строй насмешливых взглядов шли опустив голову, другие, подобно Васье, сохранив бравы вид.

Разговоры и разговорчики весь день толкну о кассе. Многие одобряли, кое-кто зра-

нее жалел тех, кто придумал эту затею. Были даже угрозы:

— Докатились до издевательств над рабочими. И кто же? Свой брат рабочий придумывает, вот что обидно!

Подмастерье Черный, отец Зинки, ругался зло и дико.

— Понасаждай чертей на свою шею. Где это видано, чтобы наносить такие оскорбления. Прогульщик! — ну что же, не каждый враг своему карману. Старика Лисицына досели, прямо с работы в пивную попер, горюч, сам из себе человек.

Свищ хохотал:

— Ты, Черный, в бутылку не лезь. Человек — свинья, привякает и замечать не будет. На второй день прогульщики шли к кассе равнодушно. Острота первого момента пропала, не привлекали внимания и новые карикатуры, вешенные Гринькой.

Простая до гениальности мысль осенила Сисоева в баше именно в тот момент, когда любители париться чертябасы скатились в покла, а он один блаженствовал, хвастаясь венчиком старчески дряблый живот и хрипя от удовольствия.

Чичибабин натирал себя мочалкой, будто заданна целью содрать собственную кожу.

— Он не любил париться и насмешливо гудел: «Малохольный ты, Игнатюк! В такой температуре и лошадиное сердце лопнет...»

Сисоев звизгивал, как мальчишка, и судачил ногами.

— Ваня, родимец, не гуляешь, дучше покуда в кассу, там в бидончики стоишь.

Чичибабин налил в ковшик квасу и плеснул на каменку.

Насыщенный запахом мыты пар вырвался свистящим облаком, и Сисоев звучно и востро заработал венчиком. Визг перешел в лошадиное вскрикивание и вздур гогот, молодой и звонкий, вырвался из его груди. Было необычайно, что старик может так кричать. А потом венник выскользнул из рук и Сисоев тяжело дыша жалобно попросил:

— Ванюша, душа... нацеди в рожечку водичку... дай окатиться ради Христа... запарилась я до бесчувствия...

Чичибабин подал ему таз с водой, недовольно заметив:

— Больше в баню с тобой не пойду, еще запарилась и одубеешь, а я не люблю поковыривать.

— Не гудись, Вань, вот не люблю. Ух ты, мать честная, ух, ух!

Сисоев окатился холодной водой и молото сокошка с покла.

— Поразителная некультурность, азнатская привычка, удивляюсь... натирая мочалку мылом, бундид Чичибабин.

— Попробуй, Вань, сердце вроде как овечьи хвостик быется.

— Ох, и попарился, ну и хорошо же. Пару девять некуда, в самый раз вторично

слазить. Но ты мойся скорее, а только вторично окучусь.

— Куда такая спешка?

— Мысленку одну обмозговал. Ты смеешься, что париться некультурно, а знаешь, как мыслится на полку. Я сейчас такое придумал, ахбещ.

— Нет уж, не торопи. Спешка эта мне дуже матерогого. Игнем мы право, в конце концов, помыться по-человечески?

— А-я-яй, как ты рассуждаешь гнусно! Разве мы старик? Ты же моложе меня. Я, например, три года тому назад в отгороде мальчишку с морской догнал, а мне, заметь, шесть с половиной десятков, во!

— Это твоё личное дело, я не желаю прекращать баню на самом интересном месте.

— Чуварь, Ваня, вопрос техники касается.

— Ну?

— Верное слово!

— Чего же ты голову морочил, сказал бы сразу. Что изобретать?

— Чичибабин вскинул и смыл боком хлопья мыльной пены, охватившись водою.

— Что изобретать, спрашиваю. Я готов.

— Ходу, ходу, Ванюшка, по дороге обмогуем.

Гарюсов не ушел еще, когда старик, оживленные от ходьбы, ввалились к нему в фабком.

— Получку не кончили выдавать, Фидя? Чичибабин нетерпеливо отстранил Сисоева:

— Где репродукторы клубные, скажи скорей!

— Да в чем дело, ребята, говорите толком...

— Дело безотлагательной важности, нужны репродукторы.

Когда старик входил в клуб, их чуть не сшиб с ног Гринька. Он скатился откуда-то сверху по перилам лестницы и, ничего не вида, устремился мимо к выходной двери.

Чичибабин успел схватить его за плечо.

— Нам-то тебя и надо, чумной. Ишь, бельмы выдулиш, своих не узнает.

Гринька обдало гнилу на них и гадостно вскрикнул:

— Скорее, скорей! — У нас сбор батальона и ребята с ног сбились, ищавши вас.

— Объявляй батальону тревогу, не договорились, — дело есть.

— Какое?

— Ударное.

— Задание?

— Поставить громкоговорители на всей территории фабрики.

— Зачем?

— По радио объявлять, кто из прогульщиков получает зарплату.

— Кто у микрофона станет?

— Ты.

— О-о-о!

С радостным воем Гринька, прыгая через две ступеньки, устремился вверх. Гарюсов зашелся старческим арбажеским смехом и кашляя опустился на ступеньки лестницы.

— Ну и антихристы вы, ребята, ну и удачливый!

Вверху послышался голоса и топанье.

— Подымайся, Фидя, ступочку окантуй, — испуганно заговорил Сисоев.

Старик торопливо отогнул от прохода и, задрав штаны вверх, заулыбался.

Лестница застопала от топота ног, перила закрипели и горячая орава энтузиастов с гамом и смехом окружила стариков.

— Качать их! — оворно предложил кто-то.

По телеграфным стомам в цехах фабрики, в городском саду, вокруг и внутри клуба, всюду, где мог собираться народ, юные энтузиасты укрепляли рупоры.

Прохожие с удивлением останавливались, распрямив, но Гринька дал ребятам строгий наказ хранить военную тайну. Сидел Гринька в фабкоме и ждал Мишу Пистолетова. И когда того, перепуганного, ребята притащили из городского сада (Миша сидел на обрыве, где любовался закатом), в фабком влетела Зинка.

— Гринь, ребята треплоются: война объявлена, — правда это?

Гринька, взглянув на жену, отрывисто заговорил:

Век электричества

Вас. Туров

«Пусть не напрасно греет и светит солнце. Пусть не напрасно течет вода и бьются волны о берег,—надо отнять у них бесцельно расточаемые дары природы, покорить их, связав по своему желанию!»...

Данте

От первого дерева, срубленного в тумане веков, и до фабрики, каждодневно переживающей в бумагу целые леса, тянется непрерывная цепь техники. Если первобытные люди пользовались четвереньками и переговаривались между собой с красноречием коровьего мычания, то сегодня двуногие в десять дней облетают земной шар, а радио передает их голоса в пустоту вселенной.

Мы живем в исключительно интересное время. Человек прополз: Каменный век. Бронзовый. Железный.

Век пара. И выпрямился, развернулся в новом веке, веке электричества. Вперед же нечто удивительное — электрохимия. Что это такое? Новую область техники подробно описать так же трудно, как пересчитать невозвратным взглядом звезды. Кстати, о звездах. Сначала их считали кометами, потом — обитателями. Алхимики столетиями искали формулу превращения олова в золото. Они не нашли этой формулы, но являли знания, десятки опытов послужили ключом к новой науке — химии. Мы накануне катастрофы. Человечество вырвалось в землю неумолимо, наспех, как лакомка выхватывает самые аппетитные куски, завалявшая менее ценные. Крепким словом вспомнят на будущее человечество. Мы хищники. Уголь используется на 60 процентов, а нефть только на 40. Остальное улетучивается в воздух. Посмотрите со стороны на заводские трубы. Тучи дыма — несгоревшие частицы топлива. Половина топлива вылетает впустую. При таком темпе истребления запасов полезных ископаемых, как вычислили эти геологи, железной руды осталось только на 60 лет, а угля на 75.

Что будет потом? Всеобщий развал? Смелая гипотеза, испущенная со стороны на заводские трубы. Сотни миллионов безработных и гибель производства?

Нет. Человечество спасет электрохимия. Химики заявляют, что придет время, когда кроме ветра, солнца и морских волн, источником энергии станут камень и глина. Это так же верно, как и то, что в водах рек Украины, например, бесцельно пропалдет 1.300 тысяч киловатт-часов. Всем вам известно из учебников физики, что энергия не терается бесследно: она только меняет свою форму. Ни одна калория тепла некогда расклеванного шара солонды в червилье, и камне. Но к ним необходимо добраться. Над этим и бьются сейчас ученые.

Бумага из соломы

В варочном чане бумажной фабрики, возмв урачащих паром котлов, свалили однажды копу соломы. Желтые стебельки шуршали в ногах и лежали за рубаху. Аромат далеких полей спорил с кислотным запахом варки.

— К чему сор в чане? — удивленно спрашивала рабочая. Утром солону изрубил в труху, забил до краев котел и, вливая маслянистую жидкость, пустил пар. Вещ чих смеялась:

— Ха, они хотят варить солону. Солону! Вещ день у котлов часovima простионы инженеры. Их лица омаменили от напряженного охладнения и в глазах вспыхивали огоньки выжидания. Вечером подогнали крышку котла, и сердца инженеров ускорили бег. Так в котле хлопнула пылукарма серая масса, напоминая перваренный перловый суп. Это — целлюлоза. Ее перенесли в другой котел, потом пустили на машину. Рыхла, как барабанов машина и вой высушенуа змкы бумагы, еще теплей, еще дамыщая паром.

Бумага из соломы! Это — колоссальная победа науки. Украина потребляет по 2 кило бумаги в год на одного жителя против 60 кило в Америке, но этот годовой внев вскоре сокрытается, так как в республике нет сырья. Теперь это сырье найдено. В Госплане УССР подсчитано, что ежегодно на полях Украины стивается до 9.000 тонн соломы.

В Кременчуге идет постройка бумажного комбината для выработки бумаги из соломы. С будущего года урожай полей пойдет на бумагу. Эта фабрика будет давать ежегодно 18.000 тонн целлюлозы. Солома удешевит тонну печатной бумаги с 479 рублей до 239, а это влечет за собой удешевление газет, журналов и книг. Новая бумага очень хороша, на ней можно писать самые ответственные документы.

Таким путем мы сохраним большое количество лесной площади и на самом ценные породы лесов повернуть на строительство нам на успехот.

завод без сырья

Первое поражение, самое сильное, однако, незаметное союзникам члнвевево сырья. Члнвевевево машина смерти могла превратиться в детскую забаву, ибо исчерпалась леино-селитра, добываемая из члнвевево селитры. Что же дальне оставало делат германцам? Вот тогда-то и начали добывать азот из воздуха.

И у нас, в СССР, есть такие заводы. Сооредоточены они, как и на образам, в Донбассе. Новые заводы обыкновенно строятся по «окосным» печам. Здесь, как и на металлургическом заводе, стоят члнвевево башни калуерот, эсы и трубы. Удивительный завод! В цехах его тишина. Не кучерявится дымок из труб завода и веж скрестата от стванков и лебедок. За тонкими мугунными и железными дверцами, в больших котлах и резервуарах, происходит тончайшие, изумительные процессы.

Завод работает молча. Огромные башни сосут воздух и нагнетают его в трубы и баллоны. Воздух мушт, поджогдеват, разделяют десятками различных приспособлений, а крайняя машина беспрерывно выбрасывает потоки оседельно белой леино-селитры. Она соединяется с сульфат-алюминием и аммиачной селитрой. Леино-селитра одновременно — и виновник гигантских взрывов, и лучшее удобрение. Новый днепроровский завод, постройка которого уже началась в Запорожье и который будет работать на электричестве Днепро-строя, в год даст 160.000 тонн такой леино-селитры. Ни один грамм десятияти вагонов с драгоценным фабрикатом.

Завод без сырья. Синтез азота и аммиака (процесс, описанный нами выше) — такой же поворотный пункт в истории техники, как открытие законов электричества. Воздух — неисчерпаемый, непрерывно пополняющийся источник сырья. Члнвевево нам висит воздушный Донбасс, более мощный, нежели рудина черного угля, и более доступный.

превращения соли

Электрохимия раскрывает перед нами новые запасы энергии, уможает богатства земли, обогащает самые обыкновенные, на наш взгляд, элементы землер поваренную соль, которая стоит 7 копеек килограмма! Даже этот безбидный и дешевый порошок не оставляет в покое электрохимию.

В середине полевой дуги выдвигают кусок соли. Вот неросток целлулоза рубильником, всплывают голубой язык пламени и сухой азот — и нет соли. Происходит превращение. На одной полусе прозрачными крупинками отложился натр (каустическая сода), и на другом — хлор, тот самый, от газом которого погибли тысячи людей в германскую войну. Эти процессы в гигантских масштабах будут происходить на заводах Днепрохимобита. Заказаны машины для производства электролиза поваренной соли. Короткое зудение электромоторов — и натр превратится в металлический натрий. Этот далекий потомок соли идет на выделку искусственной кожи индиго, вкладывается в безоловянные бусы вагонов железных дорог, а в золотопромышленности заменит цинковый калий.

Чудесная цепь превращений. Электрохимия превратила копеечноую соль в ценнейшие продукты.

электросталь

Через 2 года на берегах Днепра начнет работать огромный комбинат Электросталь, впервые в гигантском размере ставящий новый способ плавки металлов.

Сейчас трудно перечислить все выгоды электростали. Несомненно только одно: электросталька упростит выделку стали и удешевит ее, что имеет решающее значение для выполнения пятилетки. Металлургия сейчас — сложное и дорогое производство, требующее больших знаний и умения регулировать капризные и сложнейшие процессы плавки. Теперь за плашкой, как за дитянем нежного ребенка, следят десятки рабочих, инженеры, опытные лаборанты, и все-таки бывають случаи, когда даже опытные инженеры бессильно опускают руки. Малейший просчет, неправильно составленная шихта, минутный недосмотр — и домна остывает или вдруг прожигает боква печи, вырывает наружу, огненным река металла. Еще сложнее процесс выплавки высококачественной стали, которую кстати сказать, у нас немногие научились делать.

С введением электростали выплавка стали сильно упростится. На некоторых заводах Донбасса уже установлены и работают электростальные аппараты. Электросталь не требует большого штата и такого сложного оборудования, как металлургия. В котел печи кулают сырье, включают ток и под действием вольтовых дуг руда плавится быстро и равномерно. Одно из преимуществ нового способа в том, что впервые человек будет точно регулировать процесс варки стали, тогда как на марнцах работаево везуеуно. На строящемся комбинате Днепро-строя в год будет выплавляться 380 тысяч тонн высококачественной стали. Там же будут работать несложные заводы электростали цветных металлов.

за максимальные темпы в химпромышленности

Ряд важнейших научных открытий в области химии сделал ее одним из основных факторов развития производительности народного хозяйства и источником новых средств материальной культуры, что ставит перед пролетарским государством задачу форсированного развития химизации страны и развития химической промышленности.

Из резолюции ЦК ВКП(б).

Электрохимия—новая эпоха техники. Но далеко не все это понимают. Капиталистические страны после империалистической войны анкарачным темпом развивают электрохимическую промышленность. По развитию этой отрасли догнала Россия стояла на последнем месте. В 1917 году химическая промышленность составляла только 5 процентов всего промышленного производства страны. Химия, делающая страну независимой, обогащая хозяйство новыми отраслями промышленности, повышая урожайность наших полей и усиливая обороноспособность, укрепляет наши классовые позиции. Вот почему проблема химизации народного хозяйства, наряду с механизацией и электрификацией—одна из важнейших задач дня.

С годами революции у нас был рост химической промышленности. Но в последние годы она отстала от других отраслей промышленности. Пятилетний план развития химической промышленности предусматривает рост на 330 проц. в отношении к 1927 году, но и этот темп оказывается явно недостаточным. Положение еще более усугубляется тем, что химическая промышленность не выполнила задания первых двух лет пятилетия.

комсомол—на передовые позиции в химпромышленности

Перед химической промышленностью стоят огромнейшие трудности. Для их преодоления требуется огромное количество средств и сил. Ленинский комсомол, уже неоднократно показывавший образцы энтузиазма на социалистической стройке, должен направить всю энергию, все силы на развитие химизации страны.

Химизация страны открывает огромные перспективы перед деревенскими организациями. Они должны развернуть большую работу по внедрению в практику земледелия минеральных удобрений, с помощью химии бороться с полевыми вредителями. По подсчетам НК РКИ, сельское хозяйство в среднем теряет в год около 2 миллиардов рублей от полевых вредителей. На спасение этих миллиардов должен выступить каждый комсомолец.

Перед комсомолом химических заводов стоит задача—выполнить пятилетку химпромышленности в три года. На химизацию страны мы вышли без кадров—пусть это звучит как призыв в действительности. Ни в одной стране не ощущается такого острого недостатка в специалистах, как в химической промышленности у нас. В Германии на каждые 5 рабочих приходится 1 специалист, а у нас один специалист на 50 рабочих. Комсомол должен ускорить реформу высшей технической школы, развить теорию Гастева о подготовке рабочих узкой специальности, особенно опасной для химической промышленности. Надо добиться полного охвата всех учеников школами ФЭУ—вот первейшая задача комсомольских ячеек химических заводов.

Это, конечно, не исключает, а, наоборот, предполагает необходимость развернуть борьбу за немедленную подготовку кадров для химической промышленности через кружки самообразования, вечерние курсы и т. д. Комсомол должен научно раскрыть рабочим тайны химических превращений. Комсомольские ячейки химических заводов должны начать выдвижение наиболее инициативных и технически развитых комсомольцев в мастера и старшие рабочие.

Запряжем электрохимию в колесницу социалистической промышленности. Новую отрасль техники надо пропагандировать через диспуты, выставки, кино и театры. Во всех звеньях сети народного образования, особенно в фабричных семилетках, ввести изучение электрохимии. Электрохимическая культура должна пронизать всю работу профсоюзов и комсомола. На популяризацию ее надо бросить энтузиазм и изобретателей, надо заставить художников и поэтов воспеть ее величие и размах.

В поход за химизацию!

в электрохимии

на курсах

панорама строительства районной гидро-электрической станции

кадры для кадров

б. дунаевский

Поезд медленно подходит к дебаркадеру. Нет, не так.

Так подходили поезда пятьдесят и больше лет тому назад. Так писал о них Достоевский и другие. Теперь нет уже ни тех, кто так подходил, ни тех, кто так писал.

Теперь, для того, чтобы быть правдивым, сообщение это должно выглядеть так:

«Электрический поезд быстро и в то же время плавно подошел к станции».

Название станции тоже имеет значение (и в названиях видах эпох: Сталинград, Ворошиловск). Но для нас важнее то, что вблизи этой станции—комбинат-вуз. Этот комбинат—комбинат дважды. Это комбинат, во-первых, промышленный, во-вторых, учебный. Продукция комбината из бесформенного сырья превращается здесь в аккуратные геометрические формы готового товара.

И люди тоже. Молодые и шумливые фабрики, не выходя из стен корпусов, переходят в техникум, вуз, и окончательно оттаиваются в инженерев.

Мы не станем подробней знакомиться с работой именно этого комбината. У нас нет оснований предпочесть этот комбинат десяткам других таких же, выросших в СССР.

Из того, что мы прибыли в электропоезде, и из обилия комбинатов-вузов можно установить, что с 1931 года прошло уже некоторое время.

Эксперсия эта фантастична. Пусть так. Но фантазия, опирающаяся на план реконструкции, промышленности и транспорта, уже не фантазия. Это—предвидение.

Наш электропоезд результат того, что в плане реконструкции транспорта большое место заняла электрификация.

Комбинаты-вузы растут уже и сейчас. Почему им не разрастись еще более густой сетью? У них для этого есть все основания.

Однако, вернемся к 1931 году.

Электропоезда еще должны быть пушены в ход. Многие комбинаты еще предстоит построить. Предстоит еще построить и вузы.

Буржуазная граница обучает десятки тысяч людей. Она готовит командиров, которые должны указывать, изобретать, отдавать приказания. Другие—те, кто не учатся—будут выполнять эти приказания. Хозяева водят машины, изобретают, приказывают. Рабочие—работают.

В Советском союзе все должны делать хозяева. Хозяев—миллионы.

Хозяева сами рабочие и поэтому страна велит своим хозяевам научиться владеть техникой, управлять ею, повышать ее.

Она требует, чтобы учились все миллионы, управляющие страной.

Что стоит сотни буржуазных студентов перед рабочим классом целой страны, атаковавшим науку?

Но тут слова сказываются нехватка. Чтобы получить кадры образованных работников, нужны кадры учителей. И те и другие нужны, чтобы овладеть техникой. Но нехватает первых и нехватает вторых.

Тогда страна использует технику для овладения техникой.

Она готовит учителей на человеческих фабриках—в вузах.

ударница камнями в барибарошном цеху

ученики электростанции на практических занятиях

Но она их также готовят и на обыкновенных фабриках.

Она рассматривает по стране учителей. Учителя тщательно запакуют и прибывают по адресам.

Такой учитель прибывает на завод, взбирается на стену. Он обращается к присутствующим:

— Слушайте, слушайте!
И начинает учить. Изо дня в день, в определенные часы.

Другой фабричный учитель учит без звука. Присутствующие учатся при помощи глаз. Диаграммы, схемы работы машины, детали. Как сорвать автомобиль. Как выпалить чугун. Смотрите, учитесь!

Кадры, отраженные экраном, готовят кадры, владеющие техникой.

Радио и кино пополняют нехватку кадров, владеющие техникой. Другой фабричный учитель учится при помощи глаз. Диаграммы, схемы работы машины, детали. Как сорвать автомобиль. Как выпалить чугун. Смотрите, учитесь!

Первое вы слышите, но не видите. Второе вы видите, но не слышите. Но вы учились бы успешней при помощи ушей и глаз одновременно.

Хорошо! Тогда—звуковое кино.

Это лучше лекции в вузе. На профессорской кафедре в вузе не может двигаться локомотив, работать турбина или врубная машина.

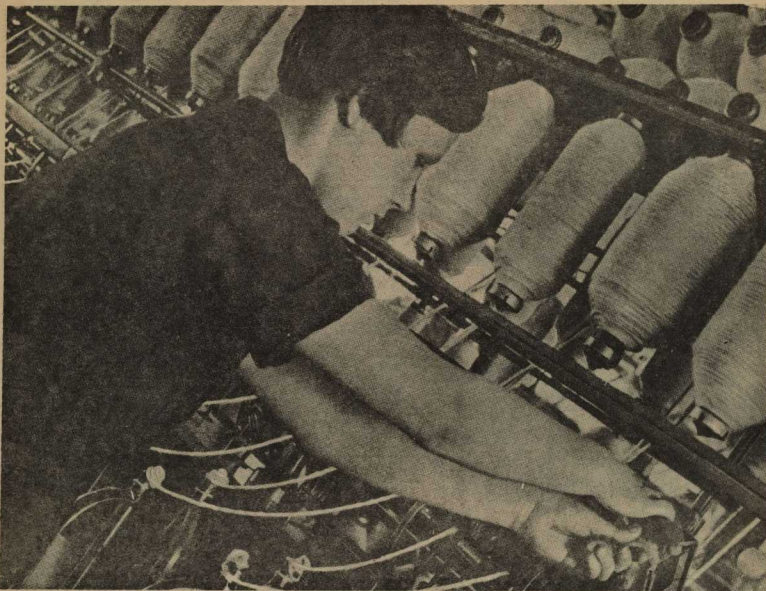
На кафедре этого звуко-зрительного профессора—на звуковом экране—может работать электростанция и домостроитель. Слушать вы будете лучшего профессора. Он никогда не будет занят другими аудиториями. Он никуда не будет торопиться. Он не прервет лекций вследствие болезни.

Он самый аккуратный из профессоров. И каждое его слово проверено. Сведения, сообщаемые им, надежны.

Вам не нужно больше доказывать, как полезен и интересен такой профессор. Вы, пожалуй, пойдете сейчас в завод и потребуете от него устройства звукового кино.

Завок вам откажет. И он не будет в этом виноват. В этом году не будет сделано ни

с одной звуковой учебной кинокартины.

Кроме того, нехватит и установок.

Придется познать требования к увеличительным лекциям механических профессоров. Согласимся на немые лекции. На лекции без слов. На немые технические и учебные фильмы.

Дайте немое кино!

Что может нам дать немое кино сейчас? Десяток фильмов вы можете получить.

Точнее, 13 фильм. Тринадцать коротеньких фильмов—все, что может предложить вам всеобщее кинообъединение Союзкино.

Низкая системы званый кино вам не предложит. Если случайно вам окажется нужным познакомиться с боевым или холодильным делом—вы можете это сделать с помощью четырех фильмов.

Одна фильма познакомит вас с механическим ткацким станком. Другая—с новым сплавом «Видаль», третья покажет центробежную силу. Еще одна познакомит с бомбой Ипатьева.

И это почти все.

Если у вас в ФЗУ, техникуме, рабфаке, вузе нехватает профессоров, или если нет нужных учебных приборов и машин для иллюстрации лекций,—словом, если вам нужны учебные фильмы и вы их не имеете (а вы их не имеете)—пишите!

Пишите «благодарственное» письмо в Союзкино. Но напишите обязательно и пишите почтой. Иначе Союзкино, не вспомнив, забудет о вас. Оно любит забывать о самом нужном.

Но время идет, настоящее становится прошлым, будущее—настоящим. Будущему поручаем мы исправлять прошлое и настоящее.

Будущее технической фильма называется «ланоном инструктивной и научно-учебной фильма на 1931 год».

1931 год—это настоящее. Не правда ли?

Но для Союзкино, если учесть то, что план только недавно изготовлен, и фильм еще нет, 1931 год представляется будущим. Ладно, не будем спорить о представлениях.

Что дает 1931 год?

Сто фильм. Сто уроков. Об угле, горном деле, металлургии, энергетике, машиностроении, нефтедобыче, транспорте, судостроении, промышленной химии, сельском хозяйстве и т. д. и т. п.

Но, может быть, мало одного перечисления разделов? Что содержит каждый раздел?

Вот, к примеру, раздел «машиностроения и машиноведения».

Здесь производство тракторов, паровозов и вагонов. Обработка металлов. Постройка паровых турбин. Дизельстроение. Устройство двигателей внутреннего сгорания. Конвейеры и транспортеры. Работа токаря по металлу, сборка и разборка электромотора. Установка резов на станках. Свердильный и фрезерный, строгальный, токарный и долбежный станки.

Мало, конечно, для того, чтобы заменить преподавателя по машиностроению. Но все же кое-что для того, чтобы помочь ему успешней обучать овладению техникой.

Вы недолжны сведениями, сообщенными сейчас вам о настоящем и будущем технической фильма.

Вы ропщете. Вы, должно быть, рассуждаете так:

— Мы молодые рабочие. Это мы овладеем техникой. Это мы сейчас учимся на заводах, ФЗУ, в техникумах и вузах. Это мы будем приезжать в электропоездах реконструированного транспорта в комбинаты-вузы реконструированной промышленности. Мы знаем, чему нам надо учиться сейчас и в ближайшем

году. Почему нас не спросили, какие фильма давать?

Тот, кто говорит—прав. Но он—и виноват. Он прав—его должны были спросить и не спросили.

Но и виноват—он должен был требовать и не требовал.

Полное взаимодействие. Молодому рабочему на заводе, в техникуме, в вузе нужна техническая фильма—чтобы легче овладеть техникой. Технической фильма нужна энергия и живая помощь рабочей молодежи, чтобы выйти в свет и добить до заводского, школьного вузовского экрана.

До сих пор кино ни разу не выполнило годового своего плана. Годовой план 1931 года—100 технических фильма. Надо требовать: сто и никак не меньше.

Молодежь до сих пор не вмешивалась активно в кинематографические дела. Было плохо.

Надо вмешаться! Станет лучше. Станет лучше техническая фильма—станут больше шансы на овладение техникой, которая трудно дается, которая сопротивляется, но которой надо во что бы то ни стало овладеть.

ПЯТЫЙ СЫН И СТАНОК

С. ГЕХТ
рис. люшина

Вначале человек и станок развигуют в жизни. Судьба человека идет совсем отдельно от судьбы станка. Человек живет в деревне Старика, на косогоре, на самом краю села. Он—крестьянский юноша, последний сын в обстоятельной семье однодворца. Ну и поделили же скудное отцовское хозяйство! Было пять сыновей, один женился, другой женился, третий женился и четвертый женился. И все резали на части отцовский надел, оплошавший зеленый квадрат в узкие ремнеобразные полоски. А ночью оставался у отца. Она была жеребей и не давала никакого приплода. Так что из всех четырех женатых получились безошадные мужики. Ну, поступали как водится:

— Дай мне, сосед, своего коня, я вспашу-забороню, а ты получаю за это дово.
— Желаю половину.
— Что ж, половину! — И чужой конь пахнет-боронит ушедшие за косогор полоски.

Тут и пятый сын женился. Конец! Больше выделять нечего. Сын тогда говорит отцу-однодворцу:

— Я пойду в Москву.
— Или—братья собрали ему восемь рублей, отец пошыл сапоги. Проселочными дорогами сын вышел на тракт; в сапогах по тракту ходит удобно. Через некоторое время пришел он в Москву со стороны Измайловского Зверинца. В Зверинце дачники строили дом.
— Сколько дадите?
— Полтинник.—За эти деньги взялся он таскать кирпич и дощик.

Здешнй станок начался в те дни, когда впервые появились в Москве электричество. Станок должен был выработать такой товар, который так же шел к электричеству, как шляпа к голове, как зонтик к шляпе, как пробка к бутылке. Станок должен был выработать ламповые абжуры. Он был заказан в слесарной, где до

той поры только паяли и пачинали: керосинки, ведра, чайники, кастрюли, замки. Пришли к слесарю три кустаря с Лефортовской площади.

— У нас такое дело: мы открываем мастерскую ламповых абжуры и уличных фонарей. Сделай нам давший станок. Взял я, к примеру, круглый кусок железа, положил на форму и пошел нажимать рычагом. Так я и выдало по факсу абжур или фонарь. Слесарь сторулся и начал делать станок. А чертежи кустаря не оставили ему никаких: одни разговоры! В этом деле кустаря и слесаря стоили друг друга. Ни один из них не прикасался никогда к математике.

В назначенный день три кустаря приехали на извозчике и забрали свой станок. Он ушел в гущу джрокж своим стальным брющком и только рычаг задражал вверх, как нога пьяницы. С задранной ногой станок доехал до Лефортовской площади. Там, рядом с трактором и парикмахерской, уже складывались мастерские. У дверей выдлолось листовое железо, над дверями висела вывеска: где лучи упирались в беловатую эмаль абжура. «Здесь принимаются заказы на электрическую арматуру, а также...»— вот что сообщала вывеска. И три кустаря станции свой станок с джрокж.

К тому времени измайловские дачники закончили свой дом и пятый сын получил расчет с удержанием харчей и ночлега. На стройке он приобрел колуи. Он стал ходить с ним по Зверинцу, заложив колуи за спину.—«Не надо ли кому дрова поколоть?»—«Как же, надо. Вот и ешь работа, ну, не работа—работеня! Ты добрей он по аллеям до самой Лефортовской площади, где ему однажды повалилось обильное тепло трактора; и когда хозяин этого заведения сказал пятому сыну: «Оставь-ка у меня половому, тут охотно согласился и пошел разносить синие чайники с обкусанными носами. Он разносил их долго, пока не оскорбил его один пьяный посетитель. Хотя трактор был без подачи спиртных напитков, чаевые однако напивались до отбоя. Они подавали себе сами, опоражнивая чайник и наливая туда водку. Один из таких самообслуживателей ударил половому по лицу. Пятый сын не остался перед самообслуживателем в долгу и вылил из него чайник с свежим хлпиком. Для погашения обиды этого все же было мало, и пятый сын поинтересовался абжурами мастерской. Три кустаря наняли его резать железо.

Тут соединились две судьбы: судьба человека и судьба станка. Показмет пятый сын резал железо, давший станок давал абжуры. Пятый сын пришел к последним дням своего преддественства. Преддественства бы чрезмерной пьяницы; слишком часто заглядывая в трактор, слишком часто пил водку из бесного чайника. Он умер с опаленными внутренностями.

Три кустаря сказали пятому сыну:

— Становись-ка за станок.

Тот подумал и встал за станок.

Сперва пошла в ход маленькая квадратная кожаная подушка. С этой подушкой ему не пришлось уже расстаться. Он положил ее под левую руку, зажав подмышкой. И пошла подушка продаваться. На подушку клался рычаг, вместе с ним морщилось тело, и телом своим новый давший заговял круглое железо на форму. Железо изгибалось, обретало канавки и выемки—оно продавлялось! В так правой руки ходила левая нога. Она нажимала на pedal джну и равносила чайника, ремель ушел порядочно засапсился. Привод шумел несколько лет. Несколько лет стоя в бесхозном углу мастерской пятый сын, он стоял со своей кожаной подушкой, со временем изогнувшейся и ставшей походить на седло. Сто штук—сто пятьдесят штук—триста штук,— вот восходящая линия его опыта. Три кустаря, одевшие посреда мастерской поезде маленькой ванны с жидкой эмалью и купавшие в ней абжуры, замечали, как все растет и растет умение их работника. Уже не триста штук, а триста двадцать пять, уже не триста двадцать пять, а четыреста. Четыреста абжуры! Успел только этих замарашек выкупать.

А между тем...

А между тем на Парницком улице, в зеленой тиши клиник работало довольно крупный, довольно богатый спиртоводный завод. Бутылки из белого стекла с зелеными этикетками, бутылки из зеленого-стекла с белыми этикетками— вот и все однообразная продукция этого завода. На улице ждали огромные фуругоны. Фуругоны ждали... Подождите и мы расскажем об этом заводе. Вернемся в мастерскую.

Революция зашла в абжурную мастерскую, одетая в макинтож, обутая в валенки и опоясанная портупеей. Революция положила на стол тощий портфель и достала оттуда отношение из отадела народного хозяйства. На это раз инопостоя революция была совнархозовский инструктор. Он прочитал кустарям отношение о слиянии целой кучки маленьких мастерских в одну большую. Кустаря выслушали и подписали бумагу. Станок с задранной ногой был снова водружен на джрокж. На особых джрокж лежала ванна, все походить по педалью эмали. За ванной шли все четверо—и три рыбачья от засохшей эмали. За ванной шли все четверо—и три кустаря, переставшие быть хозяевами и самостоятельными их работниками.

Большая мастерская поставала арматуру для Электровазона. В России не было ни одного завода арматуры. Она шла из-за границы, шла от многих кустарей. Сейчас все кустаря сидели на Старой Басманной. Их разделили на обвальщиков, обвальщиков, штамповщиков, сортировщиков, сбюрщиков. Станок прекорачивал моторный моторы. Взмест этого он один раз опускал рубльничек и—лушница! в ход транснация уже не останавливалась до самого вечера. Потом тывок был весь перекорен. Мастер с Электровазона

(он пришел с чертежами и вычислениями; таким образом давильный станок входил в сферу математики) приспособил к станку новую форму и тем в свой черед приспособил его для изготовления универсалов. Универсалы были большие, похожие на зонтки. Обогащенный опытом, пятый сын начал выдвигать универсалы.

А между тем на Царинской улице, ставшей по справедливости улицы имени Пирогова, открылся спиртоводочный завод. Очистили двор от пробок и сурчух, уехали за Усачевку огромные фургоны. На все здание корпуса наложили свою руку Электрообъединение. Объединение подобрало все большие арматурные мастерские и в подборку эту вошла и мастерская с Басманной. Через некоторое время у ворот опустевшего спиртоводочного предприятия снова застучали бесресорные фургоны. Объединение открывало здесь первый завод электрической арматуры. Завод получала имя: Электро-стет.

С одного фургона рабочие станции давальный универсал. Пятый сын ходил рядом, присматривая. Станок понесли наверх, по второй этаж. Там распорядители расположили давольно-штамповальный цех. Цех имел два помещения, одно налево, другое направо. Налево было потуже, направо—поуже. Давильный станок с Басманной попал направо.

Начался закат станка. Начались обиды человека. В левой половине стояли десятки новых давольных станков. Их привезли из Германии, еще вальские плоские листы с немецкой макровкой. Новые станки были в масляных поддонах, сбоку защища их светозащитные сетки. У них было весьма здоровый, весьма сытый вид, будто они только что насылись валютой. Пятый сын заглянул как-то на правую половину и увидел, как машина сама давит универсалы. У машины были те же шпанды, что и у него, повороты и ужимки. У машины стоял мальчик. Он стоял прямо, подмышки его были свободны, он только клал железо на форму и нажимал легкий, как рубльчик, рычажок. Во всем помещении не было ни одного задранной ножи и ни одной кожаной подушки. Пятый сын спросил мальчика:

— Сколько давьешь?

Мальчик ответил:

— Две с половиной тысячи.

— В день?

— В день. А что?

— А ничто.

— Однако, мальчик был хитрее.

— А ты сколько?

— Чего сколько?

— Давишь сколько?

— Чего давяю?

— Универсалов же.

Отгадывать больше было нельзя, и пятый сын враждебно ответил:

— Пятьсот.

На другой день пятый сын выдвинул не пятьсот штук, а четыреста пятьдесят. Посчет удавил бравовишка.

— Четыреста пятьдесят,—сказал он, качая головой и отмечая на бумаге четыре тучных и одну тощую палочку. Бравовицк подумал: загулял давольщик. Он не знал, что у пятого сына пострадал аппетит. Испортился вкус к своему старинному станку. Ходил вволю руки, раз да он забыл переставить рычаг и случилось еще, что ослабла подмышка и подушка упала на пол.

Ему продажали портить аппетит. На завод пришла из семилетки большая экскурсия. Их вел по цехам техник из давольной лаборатории. Как только школьники расположились в давольной, техник вволю подошел к пятому сыну. Он даже чуть отстранил его от станка.

— Дети,—сказал техник,—пять минут назад мы с вами видели новый, усовершенствованный давольный станок. Смотрите, из чего он вырос. Товарищ,—и техник взял давольщика за локоть,—покажите ребята вашу работу. Смотрите, ребята.

Смотреть, однако, было не на что. Пятый сын смурно стоял в стороне, так что техник подумал, будто тот не слышал просьбы. Он повторил.

— Не глухой,—обижено ответил пятый сын.

— Почему же вы не показываете? Пятый сын враждебно помолчал и выпалил первые попавшиеся ему злобные слова.

— Ходит еще,—сказал он, отвернувшись,—я на людях не занимаюсь. То шарманщики по дворам бьют, ручку вертает.

Техник так и не понял его обиды. Он сам стал за станок и со знанием дела, но весьма неуловко, пошел воротить рычагом. Для лучшей наглядности он положил под правый бочок кожаную подушку и даже зашвырнул ногой, словно нажимал на педаль, приводя станок в движение. Это было ни к чему, станок имел мотор, мерно гнавший по кругу трансмиссию.

Уходя, техник задержался у двери. Он догадался.

— Товарищ,—сказал он пятому сыну,—вы напрасно обиделись. Отличный станок. В свое время это был очень хороший станок.

И школьник покосился давольную под воротные пятого сына.

— В свое время,—ворчал он,—в свое время...

Это, в самом деле, насмешка. Из живого человека сделали музей. Любому человеку можно было повредить аппетит.

И третье огорчение.

Из шумных (школы учеников массового производства) прислали фабаэца.

— В твое распоряжение,—сказал пятому сыну фабаэц.

Он простоял за давольным станком два дня—и смылся. И только через месяц пятый сын случайно обнаружил своего обманчивого ученика. Он нашел его в барабанном цехе. Фабаэц валял ходки меж больших барабанов, наполненных толченой эмалью. В цехе было шумно. В барабан грохотали фарфоровые шары. Фабаэц опоражнивал барабаны, довольный своим назначением. Увидев пятого сына, фабаэц сказал:

— Я от тебя сбжеал. Здесь научнее.

Пятый сын спросил:

— Машиной не поправляешь?

— Не поправлялся.

Пятый сын покосился барабаный цех.

Здесь кривая огорчений потухает. Начинает восстанавливаться поврежденный аппетит. Паснык перестает быть пасныком.

Пятый сын пришел в заводоуправление. Он написал заявление, где просил назначить его обжигальником. Там удивились.

— Чем тебе так угодила муфельная печь? Зачем бросаешь свой станок?

Пятый сын упорствовал.

— Тебе же неудобно,—сказал пятому сыну его помощник.

— Пускай. Я и так вместо двух с половиной тысяч пятьсот штук выгоняю.

— Как так?

И пятый сын рассказал про технику и про себя.

— Ну, нет,—сказал помощник директора,—сейчас пятилетка.

Сейчас твой станок еще во как поробаст.

Сейчас пятилетка! Потому-то (думал пятый сын) и надо давать в рухляк его старинный давольный станок, а оказывается...

Помощник директора сказал:

— Мы зря машины не покупаем, мы самое необходимое только...

Ты думаешь, и валюту зря переводю?

Пятый сын этого не думал.

— Ты вот Орджоникидзе почтай, что он про оборудование-то пишет.

Орджоникидзе писал: старое оборудование надо использовать до конца.

И пятый сын встал иззад свое заявление.

В зеленой комнате влился ступ на Пироговской улице завод Электростет. На втором этаже, в углу стоит давольный станок. За станком стоит человек с кожаной подушкой. Подушка похожа на седло. Человек стоит за станком, зажав правой рукой рычаг. Мотор гонит по кругу трансмиссию. В цех приносит железные кружки № 502. Человек берет кружок и кладет его на форму. Потом он выдвигает из него универсал. До самого вечера возвращается у станка пятый сын. Он возвращается у давольного станка, который еще очень годится.

аврал

С. КРУШИНСКИЙ

1. К востоку от Гурьева Прикаспийская степь сгивается невысокими складками. Зимой и летом по степным дорогам шумят автомобилями. Из беспредельности безводной пустыни навстречу машинам выбегают на пригорки перламутровые дворцы Доссора. Под ногами у них голые и искривленные камышитовые домики, полнами пригорными разбросяные по холмам. Между холмов завалилось озеро, заросшее черепашем.

Во дворцах, построенных из оцинкованного железа, живет нефть. На озере растут не клены и не пирамидальные тополя, а нефтяные вышки. Деревья на Доссоре нет. Сидяку только-что ступило три года; и там в жаркую пору лучше искать прохлады под проволочным ограждением, чем под деревьями. Скажем несколько слов и об озере. Оно так называемое соль, что летом, мелея, затывается толстой корой, напоминающей лед, а зимой, когда вода больше, открывается, но не замерзает. Если дать вам сыники—зимний и летний—этого озера, вы их обязательно перепутаете.

Люди Доссора живут в одинаковых домах, летом гуляют в будничном садике, плот драгоценную воду, привозимую по узкоколейке из Урала, за 90 километров, и добывают нефть. Они работают самоотверженно, уно. За второй год пятилетки дали стране 30 тысяч тонн нефти сверх плана.

2. Над чудесным озером, на пригорке, под боком у великоленого клуба, примостилась школа горно-промывского ученичества. Со всех участков рабочего городка, разбросяного по обе стороны горноруча, сюда по утрам стекаются ударики будущих пятилеток.

3. Это хорошо, когда каждая час узнаешь новые чудесные вещи,—только вот в голове от них царит хаос и выхры ни под каким видом не подчиняются рассудку. И невдурно. Вы, например, никогда не задумывались о Марсе? Просто не подозревали о существовании такой планеты. И вот на уроке географии узнаете об удивительном марсианском атмосферном давлении, в несколько раз превышающем наше. Сколько поводов для зубоскалства!

— Марсиане ползком передвигаются,—говорит Эльзенер Балабон (придумай же этакое прозвище!)—у них сидит недостаток таскать атмосферное давление. За буржуаки, как и полагается, давление возят извозчик.

После алгебры новая тема: перемена фамилий. Один называется Искон Иргекочем Зетовым, другой бароном Уравненосдувмяневостепианским.

В эту пору, когда не удавшиеся мысли ведут бивуашный образ жизни, легко увлечь чепухой, недостаткой нашего времени. Одна второклассница завела себе этакий альбомчик, вывела на первой странице стихок:

Незабудку голубую
Ангел с неба уронил
Для того, чтоб дарую
Я до гроба не забывал.

В былые времена альбомы были гимназичскими, обучавшись безделью. Судите сами, стоит ли из-за такой науки посещать горноручок?

По заглавным буквам стихика можно прочитать имя второклассницы, это так, но при чем тут ангелы, давнó получившие чистую отставку, при чем незабудка, которой Надя в жизни своей в глаза не выдала? Она даже спрашивала у подруги, писать ли «незабудку», «не забуду» или «не забуду». Чего доброго, думала она, «забудка» окажется глаголом и тогда частью она случается отдельно, или, может, ангел уронил что-то такое около будки.

Воспользовавшись случаем, Эльзенер написал на второй странице альбома:

Не за забуду голубую
Ангел Надю уронил,
Для того, чтоб такую
(но—увь и ах!—впустую)
Горноручок писать учил.

Так текли дни в горноручке. Разумеется, там делались и славные дела. Старшие курсы преуспевали в производственной практике и лучшие ученики самостоятельно несли вату. Все накопленные знания, чтобы впоследствии отдать их недрам, отдали революции. Но при этом, говорим мы, настоящей готовности к горничку, самоотверженному труду во многих еще не было, вернее, она не была развита. Ее разбудили аврал.

4. Аврал—это беда.
Если раньше выжили споропоры динце и море вляюлилось в трюмы, матросы бросаются к нему в объятия, к пролому, хватают соленый смерч за трепещущее горло и душат неистовыми и дружными усилиями. Это аврал.

Если замедлила бег автомашины и паровоза, если замарает самокосу и кривая лодка: тревогой захлебываются гудки, люди берут недра за железные гора наоссов и выматывают килограммы, тонны и тысячи тонн нефти. Это аврал.

Аврал—это тревога. Победа над бедой.

5. На Доссоре прорыв. Участились поломки. Замерзали самотечные скважины, не теплеющие своевременно.

— Товарищи, все на аврал!
Возникает штаб комсомольской тревоги. Все комсомольцы—содаты аврала. Никто не имеет права уклоняться от назначений штаба. Каждую ночь на промысле дежурит комсомольские бригады, они помогают добротворцам и будят спящих.

Выдавсье выходы из горноручка, смертельные враги клубных сторожей, тоже внесали в книгу аврала страницы незабываемых дел.

6. Они разбиваются на бригады, и бригады ночуют в школе, на столах, около телефона, в полной боевой готовности.

В день первого джурства в школе сообщалось кое-что новенькое об этих каналах планетак. Теперь, собравшись в пустом холодильном классе, ребята промывают косточки Венеры. Шутка ли, предполагается, что эта планета больше не желает вращаться вокруг своей оси. День и ночь лежат на ней небезопасно, как красный и черный лак на полушарьях детского мячика.

— Вот это здорово!—воскаичает будущий буровой мастер.—Покажуй, там на одной стороне, на солнечной, работают, а на другой спать ходят.

— Вот тебе бы туда,—вставляет Балабон,—уж ты всю жизнь не показывайся мне с темной половины.

— Командировочным, ребята, лафа. Засека на темную сторону—и сиди. А сутонные иду.

— И прогулываю.

— Какие же сутонные, если там и суток нет?

— А это мы еще посмотрим... Центральная! Центральная! Дайте Венеру.

— Какой номер?—равнодушно спрашивает телефонистка.

— Венеру.

— Нету у их телефоную.

— Так илет венер. И вот телефонограмма: «Пятнадцать на промысле буровая 222, деять на перевоку труб. Да, сейчас же. Точка.

Ветрянка ноет обвала холмы. Посневанная от холода луна светит во все лопатки. Нефтяные вышки сдеряжно выдыхают вол горой, обступив озеро. Фонари плавают на или, словно на мачтах больших кораблей, готовых к отплытию.

Комсомольцы спускаются по мералой земле, залтой лунным лаком. Пожалуй, на нем можно поскользнуться.

Прямо, по этой даме,—сдеряжно наступает постовой, возвращая прощуй.

Идут по даме. Справа и слева подступают тяжелая и смиренная вода. Иные вышки стоят на островках. У них хорошая выправка, крепкая, прямая фигура, широкие плечи. С большинства законченных скважин, дающих теперь нефть, они несены, наоссы торчат прямо из земли, похожие на обгорелые деревья. В их горлах клакочет нефть.

Просторный скрежет буровых колес, частый пульс электрических фонарей и при этом безделье, почти неизбежность. Наконец находят мастера.

— Что случилось?—спрашивает мастер.—Двести двадцать вторая?.. Насос?.. Это мы и без вас знаем, что поломали насос. Для этого и шли не следовало.

— Ну, Балабон, не подгади!

— Вы,—говорит Балабон,—знаете, что насос поломался, а нам сказано, чтобы его починить. Одним словом, ни минуты простоя.

— Правильно говорю. Но только вам ни следовало подымать, тут ничего такого особенного нет,—и мастер объясняет, что именно поломался насос.—Завтра заменять будем,—заканчивает он,—этот вопрос с инженером уже согласован.

— Завтра? Нет, сегодня! Сейчас! Сию минуту!!! В наряде об этом определенно сказано.

— Бываю одно,—говорит мастер,—вам тут хвостами повертеть, а кому-то за вас надо работать.

— Балабой? Ну, это еще посмотрим... Трое—разминать тракториста. Семеро—в механическую, на погрузку насоса. Пятеро—на проверку вахта.

7. Он очень тяжелый, этот насос. Семеро бьются около него пять, десять минут и, не осилив, призывают на помощь слесаря из ночной смены. Когда насос наконец затасан на специальные сани, ребята садятся на него, дуя на обмороженные пальцы и потом долго размахивают руками, отряхивая их в плечах.

Сонный тракторист никак не может справиться с поевотой. Он устал, ему в шесть на работу, но это все не в счет. Сказано: все комсомольцы—солдаты аврала.

От механической мастерской, распушавшая звезда, грохочет гусеничный трактор. Его окружает комсомольский конвой, а лохотами наперевес.

Самое опасное место—плотина через озеро. Грязь настолько глубоко разворочена и так солена, что никогда не замерзает. Загрывая гусеницами, на полных парах выбегает на нее трактор и... забуксовало. Гусеницы разворачивают грязь и осаживаются все глубже.

Где Эльзевир Балабон? Где Надя с незабукками? Их нет. Они, солдаты аврала, безудержными усилиями вонзают лопаты в землю и разбрасывают ее по сторонам. Трактор выбирается по их следу. Можно сказать, что они выносят его на собственных плечах.

Трое бегут за инженером. Они бегут грузно, устало, деловито, совсем как взрослые и даже немощные люди.

— Что? Бузова? Устанавливать?—встревоженно спрашивает инженер, отгоняя сон.

— Насос стоит. На авесты двадцать второй. Скорее же вы! Ну, и что же,—хочет сказать инженер,—вечного движения на свете не существует, машины имеют право останавливаться. С насосами, в частности, это случается часто. Но он видит перед собой три пары глаз, вспыхивающих нетерпением. Он поддается тревоге.

— Сию минуту,—говорит их любимый учитель по горному делу и, видя, что ребята не уходят, поспешно одевается под одеялом.

8. С момента остановки насоса прошло шесть часов. Инвалид валяется на земле, раскнуты трубы, как руки. Он хотел украсть двадцать часов, т.е. пятьдесят тонн нефти, но это ему не удалось. Его коллеги, улыбающийся блеском запяст, вымочен в землю. Ему сообщается энергия, томнящаяся в жилах электропроводки. Первый валый щелчок поршня отдается в усталых коленях бригадников: неужели крах?! Урал урал урал—поршень расколотся. Чаще и чаще колотится он

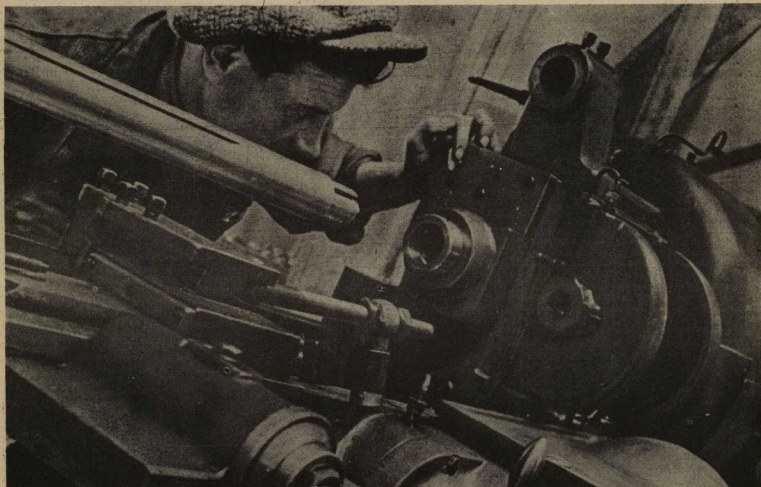
ударами сердца в чугунной груди насоса. Насос вскрикивает. Дашь, Варшаву!

Эльзевир отвертывает кранк нефтепровода и на лицо его дадут брызги, густые и темные брызги нефти. Узкие юные ладони жмутся к кранку, чтобы испытать обжигающее прикосновение этих драгоценных каплей, добытых ими. Сам инженер проткивает руку через головы учеников и нефтяная струя поражает его неожиданной ликующей теплотой.

9. Мастер советует:
— Из школы сегодня отпустились бы. Машина, и та требуют отдыха, а не только что человек.

10. Они уходят с промысла на рассвете. Шершавый туман стынет в воздухе. Толстые жгуты проводов в лохмотьях вине выгнулись и обвисли. Распушавший винея заворочил землю. Они идут молча, обжигаемые чувством, над которым нельзя смеяться, наполненные героикой сознательного труда. Если им сказать, что они славно поработали, они обидятся.

— Ну, и что же из этого!—ответит бывший Балабон,—каждый должен работать. Аврал требует напряжения всех сил.

две карты

Лев Иш и Ап. Тарасов

«Когда ослу говорят, что вперед пошел, а назад овраг, ослет ревет и поворачивается назад. Понятно, на то он и осл».

И. Зренбург

Невероятно, но факт.

Когда Янгин-Юльскому РайОНО сказали, что грамота—великое дело, он отрицательно закачал головой и повернул назад от всеобуча.

Представители колхоза «Иттифак» не поняли этого жеста, покраснели за районных умнцев, но спорить не стали и ушли. Вечером колхозники держали совет. Раис¹ РайОНО уподобился ослу. Он возражает против явной истины. Он не ревел, но повернулся назад.

— Нам надо находить выход. Скоро должны начаться занятия, а у нас нет ни помещения, ни... (из другого угла перебило: ни даже грамотного учителя).

— Верно!

Была середина сентября. Касим Усманов, сильно задержавшийся на сборе хлопков, торопился в город, в педтехникум на занятия. Еще год, и Касим Усманов, бетрак-колхозник, лучший комсомолец, будет самым умным, самым грамотным человеком, читающим даже Ленина.

... Они пришли к нему перед самым отъездом.

— Мы пришли тебе сказать, что ты не поедешь учиться, что ты можешь развивать свой ум, помочь на место свои умные, хорошие книги. Мы пришли тебе сказать, что мы выбрали тебя учителем наших детей, ибо даже Ишматов признает тебя самым грамотным человеком из нас. Ты отложи свою поездку на зиму. Касим все это отлично понимал, но бросить на подорожке учебю, доставшуюся такой дорогой ценой, не решился.

Помог случай.

Человек из РайОНО, который, в противовес здравому смыслу, не считал грамоту обязательной, расписался о пользе... всеобуча. Он развернул перед колхозниками огромную карту. Опытной рукой районного географа показал он на ней пути культурного похода на колхоз, кружками отмечая новые школы, красивые уголки.

Докладчик красил карту хорошими идеями, прекрасной правдой. Об этом собрании с человеком из РайОНО после рассказывали так:

— Собрал он нас, и ну шарашить докладом. А доклад—что? В нем, если уметь, и зерт—корота и подоша—аршин. Все под гребенку подстрижено, а сути и не поймешь. Самая суть телячьими словами притушена, цифрами прикрыта и свету не видно. Выкинешь, все вроде и так, а лихорадит что-то.

Именно потому, что доклад был хорошо укутан громкими словами, именно потому, что докладчик «случайно» ни словом не обмолвился о колхозе, Касим Усманов принял предложение колхозного совета и в город не поехал.

Словно в спичечной коробочке в маленькой комнатке со скучным освещением собрался колхозный народ. Дети и даже старики, желающие познать свет учения, атаковали стол, за которым учитель Касим показывал первые фокусы грамоты. Он показывал, как значками можно заставить говорить бумагу.

Касим развернул перед любознательными молодыми и старыми лицами другую карту, в которой колхозники видели и чувствовали много бесконечно интересного.

Перед ним выросла образ чего-то огромного, нужного, что вот уже у их рук и даже немного ощущается. Ощущалась наука.

Они, колхозники, не слушали, а слышали и чувствовали, как их Касим вкладывал в каждого золотые кусочки всеобуча.

Вскоре упорный труд над книгой и ежедневные «фокусы» Усманова стали давать свои первые еще зеленые плоды.

Молодые колхозники стали писать, они рисовали пером на бумаге несложные фразы. Маленькая комнатка наполнилась деловым шумом.

Из слогов слагались слова. Из слов слагались фразы. Звучки расплывались по тусклой с низким потолком комнате, как клыки на пропусковой бумаге. Здесь выполнялись заветы Ленина, к которым колхозники подошли просто, по-деловому.

Касима просили, Касима упрямивали.

— Что тебе надо? Ты учишься, ты хорошо учишься, но каю тебе дело до этих самих... Мы говорим тебе—брось!

— Или ты уедешь учиться, или ты бросишь свои штучки сам, или мы тебя заставим это сделать.

¹ Раис—председатель.

Молодой учитель Касым Усманов в недаром 41/2 года пробыл в комсомольской ячейке. Касым Усманов не из тех, кто при первых неудачах сворачивает с генерального тракта в сторону. Он не был скромным малым с христианским терпением и сиюминутной почитательностью. Имя комсомольца обязывало...

Учитель собрал учеников в той же тесной комнатке и внятно доложил им:

— Вы начали уговаривать меня бросить занятия, уехать в город продолжать учебу...

На карте, забытой представителем РайОНО, появилась новая действительная точка. Она означала 16 новых грамотных людей, за крайне незначительный срок научившихся читать и писать.

Это значило, что перелом начался. Это значило, что комсомолец Касым Усманов, отложивший на три месяца свою поездку в техникум, поступил правильно. Это значило, что решение ЦК о всеобщем обучении началось практически осуществляться.

...Работники Янги-Юльского района отбросили карты больших масштабов «всеобщее обучение» и начали практический поход за грамотой. Но делают они это недружески медленно, вяло, не так, как подлиннее боицы на культурном фронте.

И им, не глядя на свою ученость, районную мудрость и практику, следовало бы учиться у книжного комсомольца-студента, батрака Касыма Усманова, учиться решать, по-партийному решать большевистские задачи.

небо № 13

Иракий Аракчиев

Под куполом строгим
большое молчанье...

Под куполом
снятый волнением восторг!
Москва растелася
силуэтами зданий
на север,
на запад,
на юг и восток!

Проходят
торжественный круговорот
созвездий

неизученные петли.
— Здесь за две минуты
мелькает год,
за десять —
любое столетие!

Вселенная наша
в плену элентричества,
в плену
у цейсовских стенол
И льет выключатель
любое количество
звезд,
пространств и сронов!..

Гудит аппарат,
простой и мудрый.
Планетами
небо стелется:
по имени мне
указать нетрудно
звезд
серебристые тельца!..

Великие это,
глядите, —
от бога ли?!.
— Здесь мистина библии
стыртал!
И вянет,
и блекнет фантазия Гоголя
о кране
месяца
чортом!..

Месяцу этому
нам ли дивиться, —
если наука
вселенную выирала?!.
Если вселенная
может вместишься
в машину
из стали,
стенла и нинеля!..

...Лектор
фонариком в небо целится
(только за стрелкой следит!)

— Это созвездье —
Большая Медведица...

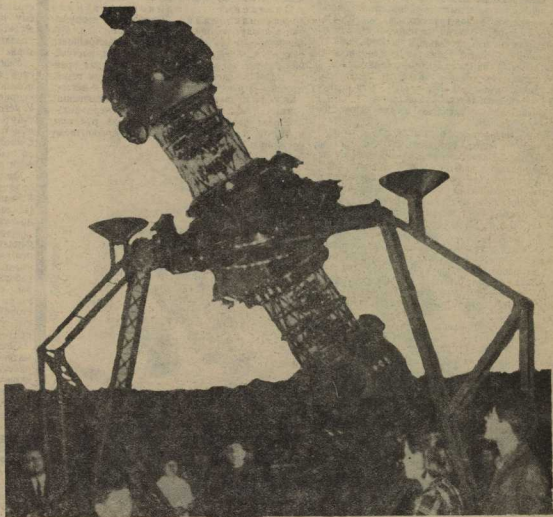
...Марс...
Уран...
Юпитер...

...Небо бледнеет.
Восторжены лица...

Наперекор
природе —
в час неурочный
над красной столицей
солнце
торжественно всходит!

В небе искусственном
солнце советское
увидеть вторично
я ждал еще.
Но лентца кончилась,
звоним приветствием:
— Доброе утро,
товарищи!

Вселенная
Проце планата!
Проце
ребенка,
что хочет смеяться!..
...Я просидел
целюном две ночи
под небом
№ 13...

„НАУКА — ВОТ ВРАГ“

М. НОВ

В мире истощаются запасы розовой краски и становится все больше черной.

Пастор Уанг стоит на амвоне, вздымая очи к небу и, неожиданно для самого себя, гневно и с надрылом восклицает:

— Пар, ток и двигатели внутреннего сгорания вышли поход против господ! Верующие, человечество гибнет от машины!

И затем, немного тише:

— Вехах у машин, верующие, родится и растет дьявол...

На машинах сосредоточивается постепенно злоба и ненависть тех, кто на протяжении веков считался воспитателем культуры и цивилизации.

Почему на машины? Чем они провинились, как сумели стать враждебными человечеству?

Како, бывший французский премьер, теоретик капиталистской экономики, недавно изрек:

— Человечество, как Прометей, пылало в котле. Наука — вот враг, против которого должны выступить люди.

Почему на машины? Чем они провинились, как сумели стать враждебными человечеству?

Како, бывший французский премьер, теоретик капиталистской экономики, недавно изрек:

— Человечество, как Прометей, пылало в котле. Наука — вот враг, против которого должны выступить люди.

Како, бывший французский премьер, теоретик капиталистской экономики, недавно изрек:

— Человечество, как Прометей, пылало в котле. Наука — вот враг, против которого должны выступить люди.

Како, бывший французский премьер, теоретик капиталистской экономики, недавно изрек:

— Человечество, как Прометей, пылало в котле. Наука — вот враг, против которого должны выступить люди.

Како, бывший французский премьер, теоретик капиталистской экономики, недавно изрек:

— Человечество, как Прометей, пылало в котле. Наука — вот враг, против которого должны выступить люди.

Како, бывший французский премьер, теоретик капиталистской экономики, недавно изрек:

— Человечество, как Прометей, пылало в котле. Наука — вот враг, против которого должны выступить люди.

Како, бывший французский премьер, теоретик капиталистской экономики, недавно изрек:

— Человечество, как Прометей, пылало в котле. Наука — вот враг, против которого должны выступить люди.

Како, бывший французский премьер, теоретик капиталистской экономики, недавно изрек:

— Человечество, как Прометей, пылало в котле. Наука — вот враг, против которого должны выступить люди.

Како, бывший французский премьер, теоретик капиталистской экономики, недавно изрек:

— Человечество, как Прометей, пылало в котле. Наука — вот враг, против которого должны выступить люди.

Како, бывший французский премьер, теоретик капиталистской экономики, недавно изрек:

— Человечество, как Прометей, пылало в котле. Наука — вот враг, против которого должны выступить люди.

Како, бывший французский премьер, теоретик капиталистской экономики, недавно изрек:

— Человечество, как Прометей, пылало в котле. Наука — вот враг, против которого должны выступить люди.

Како, бывший французский премьер, теоретик капиталистской экономики, недавно изрек:

— Человечество, как Прометей, пылало в котле. Наука — вот враг, против которого должны выступить люди.

Како, бывший французский премьер, теоретик капиталистской экономики, недавно изрек:

— Человечество, как Прометей, пылало в котле. Наука — вот враг, против которого должны выступить люди.

Картину дополняют многочисленные тракторы, брошенные на дороге в южных штатах, которые ржавеют и разрушаются: ими невозможно пользоваться, они слишком утешивают работу, и капиталистам выгоднее старые каторжные средства обработки земель.

Провинциальные типографии выбрасывают из типографий усовершенствованные великоформатные листы — они слишком хорошо и быстро работают. Наборная васса дьявола отговаривать свое старое почтовое положение. Многие станы идут вообще на слом. «Картина возвращения набойной кассы», — сообщает «Балтимор Сэн» — «вергает многок ихозев типографий в тишое умяние и слезы, как воспоминание о добром старом прошлом».

Сотни ораторов, публицистов, пасторов, инженеров, проповедников все чаще и систематичнее выступают с призывами по и к и д а т ь г о р о д а.

Они рисуют картину тихой жизни на периферии и нетронутой «гибельной грубой техники», где лишь и одежда добываются трудовой рукой человека и где красота в уюта машины.

«Подавше от культуры!» — вопят они. — Надо электричеством Долой экспрессы! — Не Прох аэропланом! Мы боимся этих чудовищ, созданных нашими руками! Отрота кризиса аошла до того, что для выхоя из положения кое-где стават вопрос о переходе от передовой техники к ручному труду».

«Давайтесь в значение этих фактов».

«Мы с вами закупам новые станки, мы строим заводы, которые будут производить новые станки с ускоренной работой, а в Америке прихоят к тому, чтобы переменить людей на более медленные станки, лишь бы занять большее количество рук, вывести из строя подъемные краны и другие транс юртные механизмы... Там хотят выхорить машинисток и вачать писать все письма от руки, а мы строим заводы пишущих машин, хотим поставить производство набойных машин».

«Мы движемся вперед, к новой технике, а там идут выхоя в техническом регрессе» (Л. Каганович. Доклад на IX съезде ВЛКСМ).

Капиталисты разрушают машины — Советский союз обязан их Перенять от капиталистической техники самое ценное и выисое — значит вместе с тем спасти от гибели важнейшие достижения человеческого ума.

Овадение техникой — великая классовая задача. Техническое вооружение в эпоху реконструкции решает все. Без технического вооружения, без быстрого освоения передовой техникой Запада, построение социализма немислимо. Последнейшая практика дед множество примеров того, как техническая безграмотность часто вступает в негладный союз с издасовыми врагами, с предателями, с чужими людьми на производстве, а через них — и с теми, кто разрушает машины за рубежом, чтобы возратить общество к первобытному состоянию.

Американские картинки

Дж. Л. Ф.

Мак-Говерн присидневается

В течение целых суток Мак-Говерн ходил по улицам. Его маршрут был от 80-й улицы до 270-й. Он искал уже не работы, он искал какого-нибудь заработка. Если не удастся заработать, то может быть удастся хоть добыть что-нибудь сверху приходилось часто голодать, но никогда ему не приходилось проводить сутки без перспектив на ночлег. За свои 75 лет жизни ему не раз приходилось туго. Но он никогда не голодал 24 часа, не постав несколько часов. Мак-Говерн увидав на углу 86-й улицы человека и направился к нему, — может, удастся выпростить у него нужные для ломачки копеек.

Мак-Говерн не повезло. Человек при первых же словах Мак-Говерна отвернул лавчан палто, показал знак полицейского агента и разразился потоком отборных ругательств. Законы против нищих в Америке очень строги. Страна доллара не любит видя нищих. Но Мак-Говерн не испугался. Он против тюрьмы не возражал. Там давали все-таки еду, а голодание можно пару часов посылать.

Агент усаживал и посоветовал Мак-Говерну пойти в полицейский участок. Давше его так арестуют и посылат в камеру. Мак-Говерн не направился в полицейский участок. Он не хотел, но дежурный все же имел желание его арестовать. Однако выгладя Мак-Говерн, повидному, очень страшно, потому что полицейский предложа дежурному ищю себе в пустой комнате ридок с дежурной машиной и на нем поспать. Полицейский, правда, преудержал, что он разбудит Мак-Говерна в четыре часа утра.

Мак-Говерн нашел крысо, свая с трудом свои сапоги и тут же уснул. Ровно в четыре часа полицейский его разбудил. Мак-Говерн ждала неприятности. Он не мог влезть в свои сапоги. У него распухли ноги. Кое-как удалось ему вынуть их на ноги и пойти в полицейскую. Там, вынув свое единственное богатство — самоубийку, с которой он никогда не расставался, зная как «боссы» встречают небырых рабочих. Мак-Говерн побрился и побер к выхояу.

Он с жалостью поглядывал на своего бутерброд полицейского. Уже 23 часов, как у Мак-Говерна не было по рту ни маковой росинки. Полицейский увида этот голодный воячий взгляд, но даже не пошевелился.

Мак-Говерн продолжал путешествовать по улицам в поисках заработка. Все время в мозгу действовала вертепаша: одна мысль: есть все же что-то несправедливо, неправильно в том, что рабочий, проработавший всю свою жизнь, умирает с голоду. Он вспомнил, что посылался арестовать на работу на заводе, а был вончим как ласб и против голода. Как ни старался Мак-Говерн, он не мог хорошо разоборать слух оратора. Он спросил рядом стоявшего полицейского: «Что они хитят?»

— О, это кому-то красных, — последовала ответ. — Это те, кто Совет безработных? — Да, они себя так называют, но это банда красных.

Такие вещи происходят в «самом передовом и богатом (по выражению президента Гувера) государстве мира» — САСИИ.

Старик возмущился:

— Вы называете красными тех, кто хочет изменить положение к лучшему. Я голосую в этом городе уже 52 года и никогда еще не было так плохо. Что-то нужно сделать. Они, эти красные, еще раньше говорили, что надо сделать. Я ни не верил. Они оказались правы. Они давно говорили, что мы будем голодать.

Мак Говери решительно двинулся вперед по улице. Он помнил, что где-то недалеко помещается Совет безработных, организованный коммунистической партией. Мак-Говери, старый американец, 52 года голосовавший за республиканцев, толкнул дверь и вошел, с тем, чтобы никогда больше не голосовать ни за республиканцев, ни за демократов.

Джерри без радио и граммофона

Джерри не был легкомысленным человеком, он не был „пустой головой“. Так он сам всех уверял. Он был родом из Богемии, но эмигрировал уже давно. Он глубоко уважал свою отеческую родину. „Только в этой стране бывают такие вещи,—говаривал он.—Вы посмотрите. Обушная фабрика, на которой я работаю, имеет прекрасную больницу. Ваша жена может там рожать. Это все бесплатно. Вам дается еще дюжина фотографических снимков с новорожденного и пара детских ботинок для него“.

Джерри не хотел искать причины. Он говорил: „Факты“. Когда ему рассказывали, что делается для детей рабочих в Советском союзе, он упрямой отвечал: „Посмотрите, что сделала Америка для меня“.

Его „босс“ (хозяин) сделал действительно „много“: в 1929 году он прилагал все усилия, чтобы добиться повышения пошлин на обувь, ввозимую из-за границы. Джерри хвалил босса: „Я живу теперь в Америке. Мне выгодно так. Босс—молоток“. Так говорил Джерри еще в 1929 году. Джерри имел свой автомобиль. Он гордился своим домом на своем маленьком „Форде“. Он имел дома радиоприемник и граммофон. Трое детей, в том числе недавно родившаяся в знаменитой больнице дочка. Джерри не был пустой головой. Он помнил, как жили рабочие в Европе, и спрашивал: „Может там рабочий иметь автомобиль? Нет“.

Джерри добился не только материального благосостояния, но и „почета“. Он был американский подданный, он имел право голосовать и перед выборами сам член муниципалитета пришел к нему с визитом. Лига американизации учила его жести английского языка. Торговая палата присылала ему рекламные преис-курнты.

Когда ему говорили о кризисе и безработице в Европе, Джерри неизменно отвечал: „Ах, что вы мне говорите! Здесь тоже может быть „бум“. Но если захочешь работать, то работу всегда найдешь“.

Осенью 1929 года произошел крах на нью-йоркской бирже. Джерри не заинтересовался даже этой сенсацией. У него же в шкафу у него нет бумаг, он не спекулирует, он не пуста голова, зато это не касается.

Когда ему рассказали, что живший недалеко от него Крамер, богат, наживший большие деньги на бирже, разорился, Джерри отвечал: „Его вина, пусть не будет пустой головой“.

Джерри знал, что фабрика, на которой он работает, одна из самых крупных в районе, и что его „босс“—миллионер.

Зима 1929 года. Экономия, экономия, экономия. Рационализация, рационализация, рационализация. Эксперты рационализаторы. Разговоры о спросе и предложении. На улицах безработные, все больше и больше безработных.

Фабрика обуви еще работает. Джерри работает, как вол. Он не падает духом. В газетах пишут, что дела уаучащаются, через месяц все пойдет по-старому.

Еще месяц. Джерри нервно крутит папироску. Глаза ввалились под лоб. Он работает еще, но он боится увольнения. Всюду увольнения, увольнения, массовые увольнения, на их фабрике тоже. Фабрика работает только три дня в неделю. Половина рабочих уже уволена.

Администрация требует: „Благодаря депрессии каждый рабочий должен уловить свою работоспособность, уловить напор“. Джерри удивляется. Он еще крепится. „Тариф проведен, —

говорит он.— Скоро кончится кризис. Гувер знает, что делает“.

1930 год. Печать твердит все то же, дела уаучащаются. Скоро кончат кризисы. Джерри не унывает. Он не верит папиросы в руках. У него нет денег на папиросы. Шеки ввалились. Автомобиль давно нет. Радио нет, граммофона нет. Мебель из спальни продана. Детинки голодают. Босс выгоняет из квартиры. Жена должна ро-

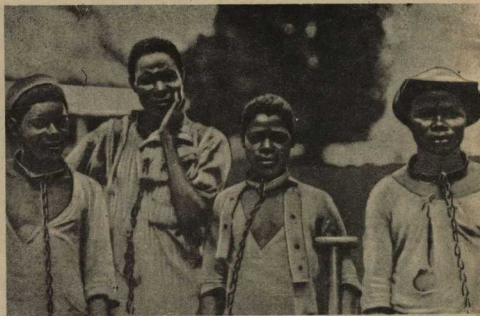
жать, а рожать негде и денег нет. Он ходил к боссу, босс выгнал его.

— Проклятые, проклятые,—шепчет Джерри.— Кто мог предвидеть? Что делать?

Джерри—думает, много думает.

Через месяц Джерри собрал подписи под требованием безработных вести страхование от безработицы. Джерри активно помогал организовывать совет безработных.

„Черные“ рабы в цепях работают на „белую“ американскую буржуазию

Биржа с красными в „свободной“ Америке

ЮРИЙ ИУНОВ

Чортовски боледа голова. Под ухом что-то надоедливо звенело, и в висках, отсчитывая пульс, глухо стучали молоточки. Если дрогнет температура и тело вздрагивает ознобом,—к врубочке становиться нельзя: врубочка требует крепкой руки и верного нажима. Вот почему ввела человек в непонятных синих овах и в смешном белом балахоне совал Чистоклетову беленький отпусковой листок.

Чистоклетову почему-то было досадно и стыдно. Он долго откалывался от глазированного листа и сошлись есь с человеком в хатке на том, что к врубочке Чистоклетов не пойдет, а будет работать по легким делам.—И резким.

...День начался буднично — серо. Пытается, как вчера, как позавчера и как двадцать лет назад подземная машина; покрывивалась, становясь на кулаки, клеть; переругивалась на откатке молочки, и глухо басил десятник поверхности, доказывая техникуру необходимость исправить, наконец, пути на отвале...

Чистоклетов выдал когда-то в городе на витрине дикинские часы с надписью годовой завод; медленно-медленно вращался горизонтальный шифоновый диск, защищенный от пылинок стеклянним сводом, застав в невесомом спокойствии, неуловимо ползая стрелки; Чистоклетов два часа допытывался у часовщика, почему эти часы могут идти год без завода — и ничего не понял; уехав на шахту, он неоднократно вспоминал дикинский механизм, брал в руки свой искалеченный временем и детскими будничным, долго думал, и, поначав головой, говорил о дошедших мастерах, выдумывающих удивительные вещи; в однажды, взглянув издали на отвальную, где чинно кружились вагонетки — от створа к опрокиду и обратно (порожником), вспомнил часы с годовой заводом — медленно-медленно вращался горизонтальный шифоновый диск — и весело рассмеялся...

Клеть камнем провалилась вниз, прыгая на ухабах проводников. Потом шла штреком. Тренделись, о вершней гуляние, о том, что в кооператив селедку проваляли — надо после смены зайти вать, — о том, что зубки для врубочных нынче ни к чорту не годятся, и о прочем таком завсегдашнем. В штреке мерно маячили звезды. Братва с шахтерами шла от створа и к стволу — смена. И вдруг впереди звезды струдились в кучу, запыряли и в нерешительности стали. Нарастая гул голоса. Кто-то истошно кричал, матерно ругался. Одна звезда оторвалась и помчалась к стволу.

— Стой! — Чистоклетов облапил здорового детину. Чернявский поднял лампу. Из тьмы в освещенный клочок подземелья глянула опустошенный ужасом глаза. Нервно дергалась измазанная углем щека и жутко сверкала окскаленные зубы.

— Ты куда?

— Та... там... в лаве... огонь!

Огонь...

С неопределимою силою звенящей мудрости, с подавляющей монушностью убедительности наколенного опыта столетиями, — предания и истины — передвигались из рода в род, из поколения в поколение, непреклонны и авторитетны для горняков, как коран для бродячего ваятеля из афганских кеочей, поучают сурово и строго:

Горе тому, кто не будет ловок, кто не приобретет прыгкости зайца и ловкости пантеры, когда в лаве займется пласт, когда предательский огонек (вырвавшийся из разбитой шахтерки, высочившийся крохотной молнией из стертого и подможенного кабеля, вспыхнувший искрой при ударе стали о кремль) воплется жадным vampиром в угольный пласт и пойдет бешувать по продольным и уклонам. Ов-ва! Огонь — стихия. Злает стнеть. Испепелит. Задушит. Бросай обушок, бросай топор, мочи к клетки и качай на-гора! Смерть стережет зваяк, ниснящая возможности к спасению минутами.

— Огонь. Смерть. Гибель...

Подземный огонь страшен тем, что его нельзя потушить. Когда займется пласт, когда пламя багровым поясом раскрасенного угля займет лаву — нет спасения, учения, ибо нет в мире силы, способной потушить горящий пласт. Забивай наугад штреки, убегай к стволу, бросай шахту! Годами будет бешувать в далеких недрах жуткая и страшная огненная стихия, пожарная богатые угольные пласты. Годами, пока огонь не задохнется от недостатка воздуха.

Гибель участка, гибель шахты... Кадровик, суровый рыцарь родной шахты (родился на четвертом номере, учился на четвертом номере, вырос на четвертом номере — умереть должен на номере четвертом), кадровик, которому шахта дороже золотых гор и бурной кипучей жизни города, — разве может кадровик остаться немым свидетелем этой жуткой трагедии?

— Своими! Оставил забой? Бросил врубочку?

Искаженное страхом лицо провалилось в темь и чьи-то ноги, очно чавкая по грязи, затопали к стволу. Чистоклетов выгнулся вслед труппе поток суровой витневатой брони. И он, машинист врубочной машины, по боленям переведенный на ремонт, и Чернявский, помощник машиниста, ухватившись вперед, навстречу толпам испуганных людей.

— Стой, гады! Бросайте забой?

Закоребались. Повернули. (Про себя: «сумасшедшие...»). Ближе к забоям. У штрек. Чем дышать? Проклятая резиновая изоляция! Как мерзко она чадит, корчась в объятиях огня... Вот лавы, конвейер, Чистоклетов и Чернявский бросаются в забой.

Круто влево. Гас-то впереди сверкает лавой семиминутной разгулой извины кабеля. Яркими свечамися пляшут крепкие стойки.

Огненным бисером переливается раскаленная угольная пыль. Неправда ли, красиво? Проклятые чудеса, проклятая красота смертоносного зрелища!

Легкие надрыгаются истонченным кашлем. Сердце вот-вот разорвется, напрягаясь сверх всяких сил и возможностей. Фуражка, прижатая к лицу — ей ли заменить противогаз?

Без противогаза входить в зону, пораженную толкменным пожаром, строго воспрещается. Нарушение сего пункта карается по всей строгости.

— Чорт подери! Вентиляция против нас. Воздух идет сверху — с верхнего штрека на нижний, увлекая тучи убитенного газа и дыма. Не пробраться сквозь газ. Не ввязь приступом проклятой лавы. Чистоклетов и Чернявский кубарем скатываются, обесселев, на штрек. И сразу же вскакивают и мычась, карабкаются, ползут обходным путем на верхний штрек, чтобы оттуда — с попутным ветром — пробираться к покинутойデザートи врубочке. Каждая секунда дорога: вот-вот займется пласт — тогда все будет окоченно...

И двое упорных кадровиков вновь ползут в огнендышащую лаву. Ползут, несмотря ни на что. Все ближе и ближе кровавое зарево. Еще одно усилие, и шахтеры у цели. Но... что? Это случилось с Чернявским? Он падает на грудь порою и не встает. Чорт возьми! Здесь не до обмороков. И Чистоклетов, толкая Чернявского, тянет его за собой, подбирает и себя и товарища зверской руганью по адресу трупов, которые нахлестали в лаве и ударили на-гора.

Вот он, кабель. Шахтеры рвут его, бьют, крошат. Ура! Обгорелый и смрадный трос отосажден от врубочки, и друзья увлекают его за собой, на штрек. Но ведь это не все! Там, в забое рыдает крепь, тлеет угольная пыль. Пожар должен быть потушен но что бы то ни стало! И Чистоклетов с Чернявским, высочинив на штрек, бросают кабель и рутясь обратно в лаву. На штреке — куча людей. Бедный запихнотко хватает шахтеров за рукава.

— Куда? Без противогазов? Не пуни! Подождем спасателей...

Хай Спасателей? Можно ли медлить? Шахтеры хватают огнетушители, уже пританцованные к забоям, и, отгонув запихнотку, снова бросаются в огонь. Шинит и пенится углекислый газ, разжигаясь огромным давлением. Задобно потрескивают, потухая, огненные свечи крепейных стоек. Опасность локализована. И вслед за Чистоклетовым и Чернявским в лаву бросаются десятки шахтеров — добывать сломанного врага.

Чистоклетова и Чернявского под руки вывели на-гора. Солнце близило к закату. День кончался буднично и серо. Как вчера, как позавчера, как десять и двадцать лет назад пылающая подземная машина; покрывивалась клеть, становясь на кулаки; пели на откатке молочки; и глухо басил десятник поверхности, дождавший председателя производственной комиссии о том, что из-за пожара в лаве сегодня на отвальную не должно сорож пать тонн угля.

Чистоклетов стоял опершись на перила, жадно вдыхал свежий воздух, глядя на гремачий хоровод черномых вагонеток и блаженно улыбался. Потом повернулся к телюруку и, вспомнив дикинскую витрину часовых дел мастера, кривнул, показывая на копер:

— С годовым заводом, товарищ техникур!

Техникур не понял шахтера, но вежливо усмехнулся и сказал о том, что завтра Чистоклетов и Чернявский могут не выйти на работу и отдохнуть.

На завтра Чистоклетов будил тишь подземелья стальным роком от врубочной.

лучше неомонольсия ударная бригада шахтеров на Цинцинном руднике

социал-фашистском пуделе, яблоках и безработных

ОРИЦ ГЛОБИК

Семь миллионов германских безработных и полубезработных со своими семьями, т.е. по меньшей мере 20 миллионов человек — не желают умирать медленной смертью в интересах сохранения капиталистической эксплуататорской системы. Они, под руководством революционной профсоюзной демонстрации на улицах по районам компании, требуя хлеба и работы. Угрожающее звучит их боевой клич: «Голод, отдавша громких влом от роскошных фасадов домов буржуазии и от зеркальных окон шикарных магазинов. Но классовое государство не может предложить этим миллионам голодных ничего, кроме резиновых дубинок и пуля».

Фашисты и социал-фашисты перед лицом этой беспримерной нищеты масс ликвидируют последние ничтожные остатки социального страхования. С несмысленным цинизмом социал-фашисты стремятся перенести на социальный бюджет, в деле посязания массовых налогов. План вечно проводится сокращение и даже полная ликвидация всех видов общественной помощи и замена ее частной и партийно-политической «благотворительностью». Целью этого плана является деморализация, политическое разложение масс и, по мере возможности, полное лишение всех коммунистических и оппозиционных элементов пособий, что может привести к физическому их уничтожению.

Прекрасным примером осуществления этой кампании является так называемая берлинская зимняя помощь. Министр внутренних дел Зверинг, министр социального обеспечения Хиртшфер, полицейский-президент Гржезинский и ряд других известных фашистов создали представителей социал-фашистских, буржуазных, желтых и национал-фашистских, рабочих и благотворительных организаций, а также и промышленников, на общее совещание, с целью организовать «зимнюю помощь» в широком масштабе. Решено было провести сборы в пользу голодающих. Весь Берлин был увешан широкораспечатными плакатами, все газеты кричали о предстоящей кампании (конечно, за хорошую плату). Роль ангелов-хранителей нуждающихся взял на себя даже социал-демократов — начальников полиции города Берлина, Вейса, Гржезинского и вдова палача берлинского пролетариата, Эберта. Эти дамы, «золотые сердца» которых жаждут благотворительности, привлекли к своему святому делу хорошо отомленного и завитого пуделя, при помощи которого они и собирали пожертвования, предлагая всем проходящим изложить свое сочувствие к миллионным безработным путем покупки специального значка — «золотого сердечка».

К этой трогательной кампании примкнули и пресловутая «Армия спасения», католический «Союз милосердия», евангелический союз домашних хозяек и т. д. Можно себе представить, что каждому классово-социальному пролетарию легче умереть, чем пойти просить подаяния у своих классовых врагов. Но пережить голод своих детей труднее, чем свой — и некоторые пролетарии обратились к этим благотворителям за помощью. Им пришлось в этом глубоко расквитаться. Приведем для иллюстрации несколько примеров.

Один безработный попросил для своего шестилетнего парнишки, который должен был пойти в школу, какой-нибудь одеялки. Поп на благотворительного объединения за ним, что ребенок не может получить пом. и,

социал-демократическая мадам собирает пожертвования

безработные в очереди за яблоками

выдача яблок

на снимке справа — те, на которых зарабатывают 10000 долларов; слева — безработный пролетарий

так как родители его вышли из церковной общины. Другому пошлому безработному, который давно уже лишился права на получение пособия по безработице и получает «кринное пособие» (в размере 20 пфеннигов — 10 долек в неделю), также отказать было в помощи, потому что он не исповедует никакой религии. Ему предлагали обратиться в социал-демократическое общество «Рабочей благотворительности», организованное в противовес Мексрабому, организации борющегося пролетариата. Однако, там ему также отказали в помощи, на том основании, что у него дочь, которая работает, и что она может содержать троих взрослых людей на свой заработок (который на 50% ниже мужской зарплаты). Одному рабочему, женатому на разведенной католичке, поп отказал в пособии на том основании, что согласно правилам католической церкви развод не допускается и браки с разведенными не считаются законными. В виде компенсации этому рабочему выдали... 1 марку (50 коп.). Он бросил эти деньги под ноги и заявил: «Я пока еще и не женился. Если бы вы дали мне 2 марки, я мог бы на них по крайней мере оформить свой развод с церковью!».

Герберт Гувер во время переборной кампании в САШИ общаю полностью ликвидировать безработицу и нищету, но... на сегодняшний день в САШИ насчитывается 10 миллионов безработных. Помогать сам себе — таков лозунг капиталистов, но безработные ничего не могут поделать с безработицей, а капиталисты... ну, капиталисты другое дело. Они решили помочь себе, одновременно просить благотворителей и недурно заработать. Дело идет о знаменитых яблоках, которые только что прошли в Нью-Йорке. За три недели в Нью-Йорке доставлено было около трех миллионов яблок. Каждому безработному давали в кредит ящик плодов, и возмачались торговцы. Продавцы (конечно, не безработные, а отовки) в короткое время заработали 100.000 долларов. Безработные, которые почти все уплатили за товар, к величайшему удивлению «благотворителей» не стали розовыми, как яблоки, и безработные не уменьшались. Впрочем, ведь чистая прибыль отовки и создавала главным образом из тех центов, которые уплатили безработные.

Пролетариат не позволит ни фашистам, ни социал-демократам, ни христианам деморализовать себя. Он будет продолжать, под руководством компании и революционной профсоюзной, борьбу за хлеб и работу, за Советский мир. Пролетариат создал себе в лице Мексрабому мощную организацию классовой солидарности, которая помогает во время различных стачек, массовых бев и бедствий. В одной только Германии во время последних крупных стачек, Мансфельдской борьбы, стачки берлинских металлистов, бев горняков в Руре, на Рейне и в Верхней Силезии Мексрабому собрал среди городских и сельских трудящихся 58000 марок в пользу борющихся товарищей по классу. Но еще важнее, чем непосредственная материальная помощь, — политический эффект этих кампаний солидарности. Пролетарская солидарность перекидывает мост между борющимися промышленным пролетариатом и мелкими ремесленниками, которые пока еще в большей или меньшей мере являются резервом контрреволюции, но скоро станут помогать классово-социальному пролетариату в создании единого Союза советов.

Скрипач Пени

Яли и кербер

Рис. Г. Якубович

В одном из многочисленных переулков Вены стояло большое привлекательное здание. «Кустарная школа для девочек», так гласила вывеска над входом. В этой школе, кроме общего, дети получали и профессиональное образование. Вена славится своими кустарными изделиями, за которые охотно платят огромные суммы иностранцы, и работницы, выделяющие эти изделия, олицетворяют сравнительно хорошо. Учились в школе, главным образом, дочери рабочих и ремесленников. Многие из них прекрасно рисовали и из школьных работ каждый год устраивалась выставка. Вероятно, многие ученицы стали бы известными художницами, если бы у них хватало денег продолжать свое образование. Но денег не было и они оставались только квалифицированными работницами, ставшими своим вкусом и художественным чутьем. А если выступили в общественной жизни, то разве оформлением революционных праздников и карикатурами в левой прессе. Большинство из них были дочерями активистов, насчитывавших солидный тюремный стаж, чем девочки особенно гордились.

«Рыбак рыбака видит издалека», и потому нет ничего удивительного в том, что Пени чувствовал влечение к «кустарной школе для девочек». Он весь день валялся в харчевне на скамейке, но когда часовая стрелка (я имею в виду часовую стрелку в рекреационной зале, у него часов не было) приближалась к цифре два, его охватывало беспокойство. И в конце концов беспокойство это брало верх над леностью. Он сползал со скамьи и, захватив вонючую шапку и скрипку, шел к зданию школы. Без пяти два он уже стоял у садовой решетки, за которой высился дворец барона Матиссы. Он клал шапку на выступ решетки, прикладывая скрипку к подбородку и начинал играть:

Пусть весна мне расскажет,
Где ее я найду.

Или:

Тих и красив дорогой мой Дунай.

Девочки проходили мимо него одна за другой с школьными сумками и каждая бросала что-нибудь в его шапку: старшие — мелкую монету, младшие, не имевшие еще денег, — сбережения нянчурой, — яблочно или сливовый.

Только раз пытался лысый привратник изгнать Пени. Это случилось, когда мать восьмилетней Фрици пожаловалась, что дочь ее очень поздно приходит домой, и одна второклассница рассказала, что видела Фрици в каком-то дворе, где она плясала под Пенину скрипку, а потом обходила с его шальной слушательницей и собирала деньги. К шму, подполному школьным привратником, Пени отнесся с полным равнодушием, так как не верил в то, что гнев школьного начальства, нашедший свое отражение в грозном поведении его подполномоченного, сможет разлучить его с девочками.

О Пени судачили немало. Рассказывали о нем, между прочим, одну историю, которой я не верю бы до сегодняшнего дня, если бы последние события не показали, что какая-то доля правды в ней несомненно имеется.

Итак, много лет тому назад Пени находился, в услужении у одной важной особы — князя Меттерника. Однажды злой судьбе Пени заблагорассудилось, чтобы молодой отпрыском Меттерника был нанесен визит племянникам престолонаследника Франца-Фердинанда. Вы ведь помните Франца-Фердинанда, который в Сараеве нашел заслуженный конец. Рассказывают, что когда какая-то старушка, на-смерть перепуганная криками и ревом толпы, бросалась к городскому в вопросам: «Что случилось?», то спокойной ответила:

— Ничего не случилось, австрия убила.

Возможно, что этот случай имел место лишь в воображении сербов, вспрямивших приезд Габсбурга в Сараеве как провокационный акт, а дело Принципа, убийцы престолонаследника, как выражение единой воли народа. Но когда Пени служил и князю Меттерника, Франц-Фердинанд находился в полном здравии и сидел в салоне княгини, а племянники его вместе с молодыми Меттерни-

хами ушли в классную комнату, где затеяли игру море волнущая. Для игры этого требовалось лишь несколько стульев и игра на каком-нибудь инструменте. В определенный момент музыки образовался — это сигнал занять места. Но так как количество стульев строго рассчитано, то все, как только раздается сигнал, сложив голову бросаются к стульям, чтобы не остаться без места. Дети позвали Пени — он уже тогда играл на скрипке, хотя никто, да и он сам, вероятно, и не мог бы рассказать, где именно он извлекал этот звук. И он стал играть. Пусть весна мне расскажет... Не берусь утверждать, что именно его игра на скрипке привлекла наследника в детскую. Возможно, тому просто захотелось взглянуть на своих племянников, так как он, не имея собственных детей, был очень нежным дядюшкой. Как бы там ни было, в дверях внезапно выросла его старшая, исполненная достоинством фигура с могучей грудью, увешанной орденами и закрученными вверх усами.

Я забыла еще рассказать, что в 1911 году во время большой демонстрации полиция так изувечила брата Пени, что тот вскоре скончался в тюрьме. Само собой разумеется, наследник не мог отвлечь за каждый отдельный поступок полицейских органов, но Пени, очевидно, безостановочно решил, что лица за смерть брата целиком падает на Франца-Фердинанда, известного своей жестокостью реакционера и ханжы.

Конечно, Пени мог уйти или просто пренебречь присутствием наследника, не обратившего на него никакого внимания, вместо того, чтобы тарачить на него глаза. Визуально злудил Пени точно переделался скарпачи, оставившим скарпачи, скарпачи, скарпачи, скарпачи, и играла то, чего никогда не должна была играть, но крайней мере в присутствии наследника Франца-Фердинанда, — она зыгнала «Интернационал»: «Вставай, пролягнеть заклейменный...»

Медленно, в сдержанном темпе, который ежeminутно грозил перейти в страстный барокко, водил Пени смычком, а его песня сияла под зыбким таском нот, запущая припев тысячи тысяч разов: «Народы! Слушайте сигналы! Поднимайтесь к последнему бою! А навная дядюра, не знающая, что песня эта заносит карючий мед над головами отцов, прыгала вокруг стульев и, увешанная прекрасной мелодией, отбивала так маленьких ножками.

Воросе точно окаменил. Казалось, их слова Пени взгляд, который отражал зурку и прерасно. Князь пропустил несколько тактов, раньше чем ринуться на Пени.

Каким образом искнул свое преступление Пени, как он выпущен был на свободу — я не знаю, он никогда об этом не упоминал. Он вообще говорил очень мало и большинство своих мыслей выражал посредством скрипки.

Во время танцуй была объявлена война, а осенью Пени исчез. Вначале девочкам нехватало его, они ждали его возвращения, но мало-по-малу забыли о нем. Чувствовалась необыкновенный подъем, всюду устраивались торжества, поки уходили со знаменами и пением в полной уверенности, что к Рождеству все будет кончено. Все было очень одобрено на ружьях, французов и их союзников. На вокзалах красными дамы раздавали солдатам трубки для курения, на которых было написано:

Русского пулей,
Француза штыком,
Англичанна пинком,
Серба кулаком.

А газеты писали: «Вот оно — истинное народное творчество!». Но несмотря на радости, которые дарило искусство, несмотря на многочисленные победы, недостаток продовольствия становился все огульчительнее, число калеки увеличивалось, и хотя они были украшены орденами, голодать им приходилось, как и всем остальным. При встречах вместо приветствия говорили: «Боже, покораи Англия!» (этому мы выучились у немцев) и всех людей, изъяснявшихся на иностранном языке, ругательски ругали, хотя бы те и уверяли, что говорили по-шведски или по-голландски (кто мог их проверить?).

Увидев, что все это не поможет, прогнали кайзера. Чуть-чуть не убрал вместе с ним и прочих господ, называвших себя теперь «буржуа», но социал-демократы всесмысли сдерживали народ, устрояя его продовольственными затрунениями и интервенцией Антанты. Так принуждены были мы удовольствоваться буржуазной республикой и демократией, которой, как показало дальнейшее, не особенно можно верить. Только доверие к Гольдману и Гольдману от нового мира, подумайте, идет только шаг, но мы его не сделали.

Дворец барона Матиссы был совершенно покинут, но в школе жизнь была ключом. Учились, впрочем, меньше, чем когда-нибудь, так как много времени уходило на выборы учкома и редакции газеты, носившей строго революционный характер и принципиально отвергавшей любые стипендии.

Однажды, возвращаясь из школы, ученицы увидели у садовой решетки Пени. Одет он был в поношенную солдатскую шинель, лицо его вяло и осунулось, но глаза горели и он открыто на ушине играл «Интернационал». А девочки, столпившись вокруг него, пели вместе с ним. Потом он сыграл рабочую марсельезу — что мы любим марш? Пени знает революционные песни? А в конце — наш любимый марш:

Резот красивые знамена
И вперед зовут,
То борцы, грядущее народа,
Векские рабочие идут.

Окончив, Пени взял свою солдатскую шапку, которая лежала на выступе донькомком своер — так, что ничего нельзя было бы в нее положить — и, отдавая честь по-военному, крикнул:

— От фронт, товарищи!

Потом, высоко подним голову, зашагал — не к харчевне, а в город.

Только один шаг отделил нас от нового мира.

на парашюте с кино-аппаратом

а. МИНОВ

Если читатель рассчитывал под эти заманчивым заголовком найти захватывающее описание головоломного трюка, ради денег или славы выпрошенного отчаянным американским кино-репортером, то ему, к сожалению, придется разочароваться.

В этом очерке рассказано об одном из «рабочих моментов» съемки инструктивной кино-фильмы «Пара шот», в постановке которой автор принимал близкое участие. Фильм ставился на фоне практических занятий с летчиками советской авиации, желающими получить парашютное образование, т.е. выполнять один или несколько тренировочных прыжков с самолета.

Будучи руководителем этих занятий, автор одновременно выполнял роль режиссера, команду «артистами», в которых на короткий срок превращались парашютисты и кино «игру» неистово накручивали операторы Союзкино К. Сидоров и Т. Звонгородский.

Фильм «Пара шот» скоро появится на экранах и читатель сможет познакомиться поближе с тем, о чем по ходу очерка, имеющего ограниченную цель, он узнает сколько-нибудь и мимоходом.

Съемка близилась к концу...

Десятки прыжков были засняты с земли, с самолета, с которого прыгали, и с самолета, летящего рядом с «чужеродной колесницей» (так не совсем благополучно называли на аэродроме—конечно только те, кто никогда не прыгал и не собрался прыгать—старейший «фарман», поднимавший в воздух 5—6 парашютов для того, чтобы они, оставив самолет на высоте 200—300 метров, возвращались на землю «пешком»).

Земные съемки были накручены давно. Одним словом, было заснято почти все, что представляло интерес для инструктивной фильму.

Однако, просмотрев на экране материал, мы не были удовлетворены. Три десятка добровольцев уже перешагнули грань, отделяющую простого смертного от «попрыгунчика», а нам ни одного раза не удалось заснять парашютиста с такой высотой, чтобы зритель получил возможность хорошею-ко разглядеть фигуру и манеры летчика, спускающегося на парашюте.

Съемка с самолета, летящего вокруг парашютиста, не разрешала вопроса, так как, во-первых, было очень трудно удерживать парашютиста в кадре, а во-вторых, при проектировании съемки на экран получалось впечатление, что парашютист кружится вместе с парашютом в диком танце.

Мы дошли до того, что в каком-либо образе заснять нужные нам кадры... И вот у меня возникла мысль о возможности разрешить вопрос съемкой с парашюта.

Для этого необходимо, захватив с собой аппарат, выпрыгнуть из самолета вслед за другим парашютистом и, рассчитав открытие парашюта так, чтобы оказаться на одной с ним высоте, приступить к кино-съемке...

Нужно ли говорить, что идея была встречена с восторгом кино-операторами, как известно, имеющими слабость ко всему, что пахнет авантюрой или трюком.

После долгих уговоров и многократных клятв, что аппарат будет возвращен в исправном виде, нам удалось получить разрешение на кино-базы на использование для этой цели камеры «Кинемо». Это—небольшой автоматический аппарат, приводящийся в действие нажимом кнопки. По своим размерам, небольшому весу и устройству он удобен для работы без статива—конечно, совершенно незаменим при так называемой съемке, которую мы решили предпринять.

В качестве партнера я избрал всегда жизне-радостного и подвижного «попрыгунчика» Мошковского, выполнявшего во время занятий и стюком роль моего помощника и сошедшего уже ряд тренировочных прыжков.

«Чортова колесница» была готова к полету. Оба мотора работали на малых оборотах, выхлопная дым и заставляла вздрагивать эту громадную, легко вмещающую 8—10 человек.

С «Кинемо» через плечо я стоял у самолета, на котором Сидоров укреплял веревками свой аппарат, и договаривался с ним о вылете и встрече в воздухе.

Затем я подошел к «Фарману, около которого уже лежали наши парашюты, охраняемые «кубиком», и сказал Мошковскому, на девичью комбинацию:

— Идите еще разок «стряхнемся!»

Он хитрово улыбнулся и добавил:

— И на бровях пополезаем.

Нет уж, спасибо! В другой раз—пожалуйста, а сегодня я должен приложить все силы к тому, чтобы в момент приземления устоять на ногах. Это довольно трудная задача, так как парашют при снижении сносится ветром и парашютист, имея поступательное движение, почти неизбежно падает, как только коснется ногами земли.

Тем не менее никто не угадает состояние и эта удача во что бы то ни стало сегодня должна выпасть на меня. А иначе—как же ругаться за целостность «Кинемо», которое доверено мне после таких долгих сомнений?

Мы усвоились по порядку прыжков, вышоте и прочих технических деталях, а затем приступили к наведению своих парашютов.

Как всегда при тренировочных прыжках, это были тренировочные комплекты, состоявшие из двух парашютов: главного—в синем ранце и добавочного—в нагрудном. Тренировочный комплект уменьшает риск прыжка ровно в два раза, ибо в случае отказа главного парашюта можно спуститься за добавочным.

Вообще же современный парашют—вещь почти безотказная и поэтому основным преимуществом тренировочного комплекта является то, что его главный парашют по своей площади значительно больше парашюта служебного, размеры которого ограничены необходимостью минимального объема ранца, заменяющего собой подушку на сидении пилота. От площади парашюта зависит скорость снижения, от которой, в свою очередь, зависит благополучие посадки.

Через пару минут мы были готовы к отлету. Я примерился к «Кинемо», вытаскив его из сумки, повешенной через правое плечо на ремешке, а потом, положив камеру на место, привянул сумку к пояскому ремню, чтобы она не болталась при выпрыгивании из самолета.

Мы в самолете. Мошковский закрыл дверь. Я даю пилоту сигнал. Завели моторы... И «чортова колесница», грузно разбежавшись, медленно оторвалась от земли...

Самолет описывая второй круг, набирая усвоенную высоту—600 метров. Мы пролетали над городом, разделенным светлыми полосами улиц на ровные и четкие прямоугольники...

Нервы были взвинчены, как всегда бывало взвинчены перед прыжками у всех парашютистов, независимо от стажа. Мне хотелось спалить и в строю прыгнуть парашютом, идущему в кабине самолета. Мы захватили его с собой, чтобы он, проведя нас за борт,

...захватив над головой подвешенные линии и вставив в новенькие ноги, он выскочил...

закрыл за нами дверь «колесницы», сыграв несложную роль «воздушного шейфера».

Мошковский был необычайно серьезен и с несвойственной ему неподвижностью стоял рядом со мной, положив локти на борт самолета и разглядывая что-то вверху.

Я вспомнил о Сидорове. Обширив взгляд аэродром, оставшийся позади нас, я убедился, что самолета с оператором на старте нет. Значит—он в воздухе!

Я начал искать его, отглядываясь по сторонам, и в этот момент заметил сигнал нашего пилота, который на дальних полах, что мы уже на высоте 600 метров. Тоже сигналом в ответ, чтобы он перевел самолет на горизонтальный полет и направился к аэродрому.

С этого момента мои мысли были заняты прыжком...

Сумел ли я рассчитать момент раскрытия парашюта настолько точно, чтобы не перегибать или не отстать от Мошковского, выпрыгнувшего из самолета первым? Успел ли за две минуты, которые будут в моем распоряжении после раскрытия парашюта, поправить ножные обхваты, вытаскив «Кинемо», накрутив Мошковского, спрятать камеру, закрепить сумку на пояском ремне и приготовиться к посадке? Удастся ли мне устоять на ногах в момент приземления?

Тысячи сомнений охватили меня и я почувствовал, что терю уверенность... И, точно в подтверждение моих сомнений, Мошковский разочарованно махнул рукой и планду. А потом пошла пеленами и табула пеламь по направлению к аэродрому.

По аэродрому маленькой букашкой с растопренными крыльями полз самолет, как видно, тожко что севший. Мы осмотрели воздух и, не найдя в нем ни одной машины, пришли к заключению, что это наш «кино-кулиар» и оператор Сидоров.

Свое предположение Мошковский передал мне мысленно: раздув до предела щечки, пригнув один глаз и вращая перед лицом воображаемую ручку кино-аппарата, он скопировала Сидорова, не имевшего особых жалоб

Так играя друг перед другом, словно правские артисты, мы стали готовиться к прыжку.

Дверь открыта...

Я стоя на правом колене на полу самолета и, держась рукой за косяк, высунулся на дверь.

Самолет, направленный строго против ветра, летел над аэродромом. Мы приближались к его центру, отмеченному большими белым кругом, который с нашей высоты казался маленьким комочком.

Плавным движением левой руки, протянутой по направлению к пилоту, я резко осадил 900 лошадей, гениально спрятанных шародем-человечком под стальными цилиндрами двух небольших моторов... Рез сразу уменьшился и самолет, сбавивший скорость, казалось не хотел продвигаться вперед.

Круг медленно ползет под самолетом... И вот мы точно над центром аэродрома. Пора!

Великим жестом я пригласил Мошковского к дверям. Он подошел, захватив правой рукой вытяжное кольцо и, став точно в такую же позу, которой мы обучали парашютистов на земле,—застыл в напряженном нетерпении...

Это был уже не Мошковский, а комок нервов, готовый оттолкнуться при малейшем прикосновении к нему.

Я поднялся с колена, взяв в правую руку кольцо, а левой оступал сумку с «Кинемом. Все в порядке!

Высунув голову из дверей, я посмотрел вниз—мы были почти над ангарами... Сейчас надо прыгать...

Воление, достигшее в последние секунды максимального предела, как-то сразу оборвалось... Не отрывая глаз от падающей под самолетом земли и зanesa руку над плечом Мошковского, я спокойно рассчитывал прыжок, как это делал уже десятки раз во время занятий с парашютистами...

— Давай! — кричала и пропала в реве моторов голосом и ударила рукой по плечу... Мошковский рванулся вперед, оттолкнулся ногами и нырнул вниз головой...

Быстрым движением я занял место в дверях, крепко схватив вытяжное кольцо и как только Мошковский (после семга—раз!, два!) открыл парашют,—ринулс вниз...

Сильной струей от мотора меня ударило сбоку... Я неуловимо падал, захлебываясь воздухом... Неудержимо хотелось вырвать кольцо... Но рассудок работал... И стремительно падая, я удерживал руку и машинально считал:

— Раз!, два!

Погнула за кольцо... Точно губками за шнорель, меня встрихнул парашют, грубо отбросил куда-то в сторону...

... И я повис под большим белым зонтом!

Сдвинув на лоб очки и поправив важные обухты, я в беспечности искал своего партнера... Где же Мошковский?

Я оглянулся назад: раскисаясь как на кашеях, он висел несмело выше меня... «Скорей—повертеться!»—произнеслась мысль, и только тогда я понял, что допустил ошибку, не учтя в своих расчетах большую вероятность этого довольно сложного маневра.

Не теряя ни одной секунды, я захватил над головой одну из лямки и, подтянув ее вниз, опустил кромку парашюта. Другой рукой я захватил две лямки с противоположной стороны и, не подтягивая их, вращательными движениями тела заставил кромку парашюта повернуться вокруг опущенной кромки.

Теперь мы висели лицом друг к другу... Нас отчаянно качало. Мошковский, что-то крикнул мне, но я не разобрал... И вдруг неожиданно заметил, что он довольно быстро догонит мой парашют.

Это было вторым спортивным для моих расчетов—он оказался тяжелее меня и поэтому шел с большей скоростью снижения.

Быстро отстегнув ремень, я вытаскил «Кинемато» крепко прижал к лицу и стал ловить Мошковского в видосатель...

Захватив над головой всевозможные лямки и согнув в коленях ноги, он висел на парашюте чуть-чуть выше меня.

Я нажал кнопку. Аппарат с характерным треском заработал... Съемка началась и... оборвалась!

Диким рывком меня дернуло в сторону... Я едва не уронил аппарат... И когда соорбил в чем дело, то пришел в отчаяние—парашют повернулся и я снова висел спиной к Мошковскому.

Это нагретый воздух, поднимаем с земли, образует восходящие потоки или то, что иногда образно называют «воздушными ямами».

Не желая сдаваться, я быстро спрятал в сумку «Кинемато», захватил подвесные лямки и после двух-трех попыток повернул парашют... Но партнер мой ударил—он болтался значительно ниже меня, скрываясь при качке под своим парашютом.

— Однако я вижу «Кинемато»... и сейчас же с чувством горькой досады, спрятав в сумку. Семга приближалась и я рисковал не успеть приземлиться для приземления...

«Завтра исправим ошибки»,—решил я, прикрывая сумку к ремню,—«заберем-повисне, и тогда хватит времени для всего».

Захватив над головой все четыре лямки, я приближался к земле... Не упалъ!—вспомнил я за секунду перед тем, как, коснувшись ногами земли, сильным рывком подтянулся на лямках...

Я приземлился совсем рядом с Мошковским, устояв на ногах.

— Ну, а как с повторением съемки?—спросит автора разочарованный читатель.

Повторение не состоялось... «Кинемато» в тот же вечер уже кино-оператор Давидсон, срочно направленный для съемки и Гладкина уржал в один из ближайших колхозов...

тов. Минаев с пилотским парашютом

на недостаточную округленность своей физиономии.

Я улыбнулся и на борту самолета пальцем вывел слово—салат. Мошковский согласился и движением рук, будто напаял на голову фуражку, подтопила наш разговор; это значило—шляпка.

Дело в том, что камера Сидорова раза два за время съемки подвигала его. Нижняя бобина, на которую наматывается засыпанная пленка, начинала буксовать, и тогда в коробке пленка застревала, собиравсь петлями, и прекращала работу аппарата.

Вот это и называлось на кино-языке—накрутить «салат», а отсюда и кино-кулинар, как мы называли Сидорова, и «кино-салатница»—его аппарат.

Мы решили, что сейчас его подвела камера, во время съемки каких-нибудь заманчивых картинок с птичьего полета, и он дал сигнал летчику ити на посадку, чтобы на земле устранить неисправность. Однако, наблюдая за аэродромом, мы заметили, что самолет рулит к ангарам. Следовательно дело не в «салатнице», а, повидимому, в не исправности мотора...

Ожидать Сидорова не хотелось. Очень не хотелось откладывать прыжок, в котором все было готово, и поэтому, взглянув на Мошковского, вопросительно смотревшего на меня, я принял решение прыгать...

Сердце жалось... Наростало воление... Но, стараясь внешне казаться спокойным, я похлопал Мошковского по плечу и, улыбаясь, показал жестами, что сейчас будем прыгать. Он радостно кивнул головой, но и в его глазах я прочтал беспечность...

— и исправлявшие процесс с Мошковским

— и исправлявшие процесс с Мошковским

— и исправлявшие процесс с Мошковским

— и исправлявшие процесс с Мошковским

— и исправлявшие процесс с Мошковским

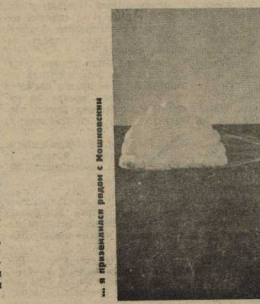
— и исправлявшие процесс с Мошковским

— и исправлявшие процесс с Мошковским

— и исправлявшие процесс с Мошковским

— и исправлявшие процесс с Мошковским

— и исправлявшие процесс с Мошковским

— и исправлявшие процесс с Мошковским

— и исправлявшие процесс с Мошковским

— и исправлявшие процесс с Мошковским

— и исправлявшие процесс с Мошковским

Крепостью науки взглядеть большевики

«Во мне есть горячее стремление стать инженером и на фронте технической реконструкции помогать партии и революции. Зачем же вы навязываете мне общественно-политическую работу, которая отнимает много времени и не приносит пользы?.. Нужно учиться, учиться в учиться, чтобы потом отдать свои способности и услуги социалистической стране». Так пишет комсомолец, студент Семенов, герой очерка «Судите меня», помещенного в № 4 «Смены». Сегодня мы поможем часть писем, поступивших в редакцию, с оценкой поведения Семенова.

ного судить?

В Московском автогенно-сварочном техникуме недавно происходила общественно-показательный процесс.

Судили группу студентов, замкнувшихся в стубубо академическую учебу. Так, по крайней мере, казалось! Это был настоящий процесс академ. партии.

Наиболее сильные в академическом отношении, они сначала объединились для углубленной проработки материала, потом стали свысока смотреть на отстающих актив, затем начали вводить в тупик каверзными вопросами активистов при сдаче зачетов и, наконец, докатились до дискредитации актива в глазах преподавателей и некоторых преподавателей в глазах студенчества.

Что представляла собою академ. партия?

Главари ее — выходцы из интеллигентного (теперь — учитель), исключен из провинциального института, не пошел в Горную академию, был на погоне за срын какой-то кампания на заводе исключен из союза. После всего этого — примите заверения в ижайшем его почтении и готовности служить делу социализма.

И не случайно Семенов, тоже завернувшийся нас в готовность и пр. пришел в институт из бездупной конторы.

Почему он избирает для себя а своего «разделения труда» только академиком?

Хорошие специалисты нужны как капиталисту, так и нашему строителю. Их почти одинаково ценят в обоих лагерях.

Но мы к новому специалисту предъявляем и другое требование: будь он общественником, ибо в социалистическом хозяйстве нужно не только технически организовать производственный процесс, но и направить, куда нужно, волю и энергию людей.

Проводить «разделение труда» в руководстве единой ячейкой социалистического хозяйства (Семенов — техника, а Громовы и другие активистам — политика) больше нельзя.

Иногда самым большим камнем стать специалистам, хозяевам дела, надо повернуться лицом к техническим занятиям — вот куда толкает нас жизнь... Пора, давно пора повернуться лицом к технике. Пора отбросить старый лозунг, отживший лозунг о незначительстве в технику, и стать самим специалистами, знатоками дела, стать самим полными хозяевами дела.

Эти слова Сталина лучше всего отвечают на вопрос — каким должен быть наш руководитель производства.

Было бы пошлостью говорить, что хозяйственный коммунист должен отныне стать только инженером, техником.

Он останется попрежнему большевиком-общественником и одновременно большевиком-инженером.

Н. Платвинкин

кто виноват?

Я считаю, что виноваты оба — и Громов, и Семенов. Оба они забыли завет Ленина: «Работая — учишься, учишься — работаешь».

Несет ответственную работу по комсомольской линии Громов неправильно дела, отодвигая на задний план учебу. Он мог бы, не переставая быть хорошим активистом, стать также и знающим свое дело инженером. А тов. Громов по уши ушел в общественную работу, совершенно забыв о чертешках и формулах. В этом вина Громова.

Студент Семенов все свои силы отдал теоремам и формулам. В основу всего он полагает то, что у нас сейчас мало своих специалистов, забывая о том, что он без ущерба для учебы мог бы уделять несколько часов для общественно-полезной работы. В этом вина Семенова.

Таких Семенов и Громовах немало. Из Громовах выходят оппортунисты, недооценивающие значение овладения техникой. А Семенов, отмежевываясь от общественности китайской стеной, превращается во вредителя, идущих на поводу у интеллигентов.

И. Губенин

нам не нужны

Нам нужны кадры. Высокой квалификации кадры. Их нет. Но они должны быть. Они будут. Представитель таких кадров и есть С. Семенов.

Из всей ячейки института лишь один Алешин нашел в себе мужество сказать: «Из Громова выйдет липовый инженер, а зато Семенов будет инженером на-ягу».

И поддерживая тов. Алешина, потому что на своей шкуре убедился в этом.

Я тоже учился в 1925 году, но не доучился — нагрузка съела меня, пришлось временно сменить ст. академической чистки.

А теперь, когда пришлось на производстве столкнуться с нашими инженерно-техническими кадрами, невольно ругаешь себя и кусаешь пальцы.

Когда нам нужны свои специалисты, мы работаем с отбросами, со старыми, чуждыми нам спецами.

Странно получается: в вузах, в техникумах мы принимаем людей пачками, выпускаем единично. Откуда оторвать? Кто этот отсев? В первую очередь наши общественники, партии и комсомольцы. Людей засасывает общественная работа, берет верх над «формулой».

Как говорит за «формулу», за оправдание С. Семенова.

Нам не нужны те науки. Нужны высококвалифицированные инженер пролетарской крови, которому мы смело можем доверить наше социалистическое строительство.

Прав т. Семенов, говоря в заключительном слове?

— Я готов отдать всю свою жизнь за дело партии и революции. Именно поэтому я хочу быть хорошим инженером, а не профаном и недоучкой.

Монтер И.

пусть освободят место

Я считаю, что Семенов — это паразит советской власти. Она все его требования удовлетворяет, — только учишься, будь общественником-инженером, иди за собой массы, борись за каждый грамм металла и т. д., — а он борется за то, чтобы студенты удалялись в академик, за то, чтобы институты кончили на форумах занимались. А новые формулы выдумывают...

Есть и у нас на рабаке такой же «Семенов, только фамилия другая» — Владимирцов. Он говорит на совещании: «Я техникуму работу сделал и выполнил, а с этими людьми вообще работать не могу». Я думаю, что таких Владимирцовых и Семенов нужно брать на крепкой буксир, а если не поможет, то пусть освободят место в учебных заведениях для наших товарищей.

В. Гуляев

общественная работа учебе не мешает

Слушатели рабочих курсов по подготовке в Смоленский пединститут в количестве 25 человек, разобрав письмо Семенову, осуждают его поведение и считают, что он замкнулся в академик, в формулы и совершенно оторвался от общественно-политической работы. Семенов говорит: «Дайте мне кончить институт, тогда я буду вести общественную работу». А где же гарантия того, что Семенов будет хорошим общественником после того, как станет специалистом? Без политической закалки именно сейчас, в годы учебы, Семенов хорошим революционером не станет.

Пользуясь случаями чрезмерной нагрузки отдельных товарищей общественной работой, Семенов старается противопоставить эту работу академической учебе. Он считает, что общественная работа мешает академик. Это неверно. Правильно поставленная и распределенная общественная работа не только не мешает учебе, а наоборот — связывает ее с жизнью, с практической деятельностью, с массовой борьбой.

Безусловно, распределять общественную работу нужно планомерно, не перегружая отдельных товарищей. Наблюдаясь порой перегрузка отражается как на академической работе, так и на общественной и подает повод таким студентам, как Семенов, совершенно отрицать необходимость общественной деятельности.

Нам кажется, что автор очерка «Судите меня» тов. Любтов недостаточно раскрыл социальную сущность Семенова. Идеология Семенова, несомненно, идеология — нуждая партизанскому студенчеству.

семенову — не свой

Комсомолец Семенов в своем письме пишет: «Хоту быть коммунистом до конца». А начало-то у него коммунистическое есть? Нет!

Таую полемике перед зеркалом мог развиться только человек, не понимающий того, что студент, ушедший с головой в акаде-

1 К выводу автора статьи приводятся 19 студентов, проходившие практику на Калининском заводе.

мизм, не признающий общественно-политической работы, ведущий ее «спустя рукава», никогда не будет хорошим инженером, не смотря на то, что в узких рамках специальности он будет знать немало. Нам ведь нужны не узкие специалисты, а строители новой жизни. Сразу чувствуется, что Семенов—не свой, что с заводом он незнаком совсем, что это — лишь показная сторона, а не четко продуманная мысль.

Возмущая меня его фраза: «Зло и больно говорила недавний друг мой Вера Трамова». Думаю, что дружба не оправдывает политических ошибок.

ВОТ ФАКТЫ

Рассуждения Семенова мы должны разбить фактами. Вот эти факты:

Станция Россохи—крупный железнодорожный узел Ю.-В. ж. д. Все время прорыва. Транспортный коллектив ВЛКСМ берет пример.

Санни Иван, пом. машиниста, секретарь паровозной ячейки ВЛКСМ, ведет поезд в вы-

еднившийся ответ

Я подлинным к трибуну Семенова не как свидетель по делу Семенов. Я не хочу судить Семенова. Мне кажется, что Семенов уже сейчас становится анахронизмом. Разумеется, в наших вузах, особенно на старших курсах, немало обывателей, искренне считающих, что для судьбы революции значительная книга значимой, весомой, нежели партия. И все же Семенов—случай нетипичный. Этот сбивший с пути комсомолец-служащий, не прошедший до вуза школу завода, не в праве представлять собой отперенных академиков. Академиком сейчас, как правило, маска. И скрываются под ней люди, которые «в других условиях» охотно поговорили бы и на политические темы.

Вопрос, поставленный Семенову, на деле ставится гораздо проще. О том, нужно ли считать академическую учебу с общественно-политической работой, не спорят. Вопрос ставится совсем о другом: о наилучших, наиболее правильных, наиболее целесообразных формах этого сочетания.

Два месяца назад Фрунзенский район, крупнейший вузовский район Москвы, дал старт учебно-производственной эстафете вузов, рабфактов и техникумов. Это—движение, поднимающее на высшую ступень социалистическое соревнование и ударничество. Я хочу привести два примера. И пусть Семенов скажет, мешает эта общественная работа учебе или нет?

Первый Московский машиностроительный институт осуществляет шефство студентов над «неблагополучными» кафедрами. Шефство это

ходные дни. Высоцкий Павел работает сверхурочно.

Проводит плеуму транспортного коллектива ВЛКСМ. Один из выступающих объявляет себя мобилизованным на ликвидацию прорыва и вызывает весь плеум. Ребята в тот же вечер освободили три состава из-под снежных заносов. В то же время ребята участвуют в Заочном институте транспорта и не хуже Семенов одеваются «гигиалиями» диффузии и сопротивления материалов.

В. Печенин

гровм прав

Сейчас Семенов говорит, что он учится и что поэтому его общественной работой загружать нельзя. Потом, когда он станет инженером, он скажет: «У меня завод, машины, строительство—некогда мне заниматься вашими замками, коллективами и социализмами».

Громов—не чудак. Он вполне прав, когда говорит, что нам нужны хорошо квалифицированные, преданные специалисты, но спе-

циалисты, не отгородившись китайской стеной от политической жизни.

Тов. Семенов должен признать свою ошибку, иначе ему не место в комсомоле.

Солодиин

нагрузки—не помеха

Я рабфаквец, бедняк-колхозник, в комсомоле работаю пять лет. 4 марта я вернулся из деревни, где был в отпуску. Там я работал по весенней лесовой кампании и коллективизации. Райком ВЛКСМ задержал меня для проведения агроколхозных курсов. Признаться, я боялся, что отстану от занятий, но все же остался, учитывая, что для устройства работы грамотных работников не хватает. В рабфаке я также выполняю некоторые нагрузки и они не мешают мне успешно заниматься.

Но ведь Семенов служащий. Он не сроднился ни с рабочим на заводе, ни с крестьянином в колхозе. Только поэтому он может говорить о том, что общественная работа пользы не приносит.

В. Солопов

берут совместно: группа, проработавшая уже данный предмет, по собственному опыту знающая о всех сильных и слабых сторонах кафедры, и группа, вновь приступающая к занятиям. И кафедра, и студенты берут на себя ряд обязательств. Образуется своеобразный швейцарский конвейер: состав шедов все время меняется, но общественная помощь со стороны студенчества идет непрерывным потоком. Так вот, Семенов, как по-вашему, разве мешает учебе это шефство?

Другой пример. Студенты Мининститута, проходя непрерывную производственную практику на Ленинском химвагоде, активно участвовали в выдвижении встречного профиндплана. Они ходили по цехам и собирали рабочие предложения, они помогали местным изобретателям оформить свои подчас коряво выраженные идеи. Это тоже предусмотрено эстафетой: ведь прометарский специалист должен не только уметь работать сам, он должен научиться искусству возглавлять техническую инициативу масс. Впрочем, может быть, по мнению Семенова—и это вредит учебе?

Такие вопросы принято называть «агитаторскими вопросами». Они не допускают двух ответов. Опыт фрунзенцев наглядно показывает, как в вузовских условиях общественно-политическая работа органически сливается с работой академической. А раз это так, значит, то противоречие, о котором пишет Семенов, в действительности является мнимым противоречием.

М. Яковлев

двойной урожай

«В стране неграмотной, некультурной социализм построить нельзя».

Колхозная молодежь должна быть в первых рядах бойцов за социализм. Значит, колхозную молодежь надо вооружить газетами, журналами, книгой.

Дагестанский комсомол решил вооружиться. Мандат на право получения оружия—социалистический договор между колхозными ячейками ВЛКСМ и правлениями колхозов, с одной стороны, и Дагестонторг Периодсектора ОГИЗ, с другой. Этот договор замечательен тем, что он, отвечая на чисто-культурные, казалось бы, потребности молодежи, непосредственно направляет в то же время ее внимание на разрешение задач хозяйственного строительства.

Самое простое и самое лучшее—перечислить обязательства, которые берут на себя стороны, заключая договор:

сверх общего плана колхоза молодежь за севает определенное количество га;

все необходимое для засева—семенной материал, тяговую силу, сельскохозяйственные орудия—предоставляет правление колхоза;

ОГИЗ в счет доходов от засева культурных га высылает молодежи колхоза литературу по собственному ее выбору или по выбору ДК ВЛКСМ.

Двойной урожай взойдет в этом году в Дагестане. Пышно подымется на колхозных полях сверхплановый урожай хлеба. Новыми идеями, новыми мыслями обогатятся дагестанские комсомольцы-колхозники, превращающие иную, безграмотную деревню в крепкую опору социалистической стройки.

... пышно подымется урожай...

КОМСОМОЛЬСКАЯ смекалка

под редакцией С. Глазера

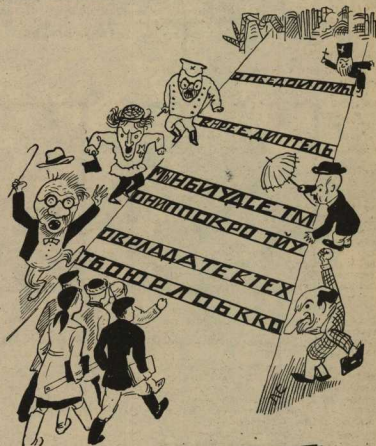
чего боятся враги

Рабочий класс взялся за осуществление задачи огромной исторической важности. Эта задача, задвинутая тов. Сталиным на 1-й Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, стала знаменем нашей борьбы.

На рисунке изображена рабочая молодежь, идущая вперед к осуществлению этой боевой задачи.

Для того, чтобы помешать рабочей молодежи, на ее пути стали классовые враги, названия которых нужно вычеркнуть в дороге с буквами.

Если мы вычеркнем названия этих врагов социалистического строительства, то получится лозунг, которого боятся они, а еще больше—их зарубежные хозяева.

слоновый чертень

Мало руководить предприятием,—надо войти в суть каждого дела, разобраться в технике, и только тогда можно быть уверенным, что никакие дельцы из «промпартии» и меньшевики-интервенционисты не смогут помешать выполнению программы социалистической стройки.

Любой чертень только кажется сложным. Это происходит от недостаточного знакомства с техникой.

Попробуйте по этому чертенью, при помощи ключа, изображенного в левой части рисунка, в виде черного квадрата, прочесть лозунг, выполнение которого дает возможность понимать самые сложные чертеньи.

викторина-автомат

(Массовый аттракцион)

Популяризация технических знаний через игру—одна из интереснейших форм организации досуга. Особая ценность этой формы заключается в том, что посредством игры технические знания доходят до широкой массы. Люди получают толчок к работе над соответствующей литературой.

Каждое производство имеет десятки особенностей, о которых следовало бы знать рабочим, особенно молодежи. Об этих производственных моментах написаны книги, но далеко не все их читают. И вот для того, чтобы заинтересовать массу технических книгачи, ознакомить ее с соответствующей литературой, очень удобна «викторина-автомат».

Из фанеры сколачивается ящик-ширма, вроде изображенной на рисунке. Наружные стенки ширмы разукрашиваются всевозможными лозунгами, призывающими к овладению техникой. В передней части ширмы прорезывается отверстие. Одно маленькое—для монеты, а второе побольше—для приза.

Автомат заряжается достаточным количеством вопросов технологического характера, касающихся процессов данного производства и смежных с ним. Кроме того, надо иметь запас премий—конфеты, книги, привилегии, божмоты, карандаши и т. п.

Для того, чтобы «механизм» пришел в действие, в него залезает кто-либо из активистов.

Все, интересующиеся «автоматизированной викториной», должны опустить 2, 3, 5-копеечную монету в маленькое отверстие. Замен монеты они получают вопрос викторины. Монета можно бросать различные. Наш «автомат» тем и отличается, что можно давать сдачу с любой суммой.

Написав ответ, играющий снова бросает его в отверстие для монеты. Если ответ правильный—выпадает премия. Если же ответ неправильный, то пишется: «прочитай такую-то книгу» (дается название и даже глава).

Если умело поставить этот аттракцион и комбинировать сложные и простые вопросы, то успех будет обеспечен. Применять аттракцион можно на производстве в обеденный перерыв и в клубах.

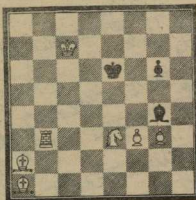

Шахматы

Эти три диаграммы начинаются 1-й конюре решенй задач и этюдов, которые будут напечатаны в шахматном отделе «Смены» до конца первого полугодия 1931 г.

За правильное решение двухдвухходов будут засчитываться 2 очка, трехходовый — 3, четырехходовый — 4 очка и так далее. Авторы задач получат то же количество очков, что и решатели. Среди приемных решенй — 1 очко, месяца до дня выхода журнала. Десять товарищей, набравших наибольшее количество очков, получат призы. Кроме этих общих призов, устанавливаются еще два специальных: для девушек, еще не участвовавших в подобных конкурсах.

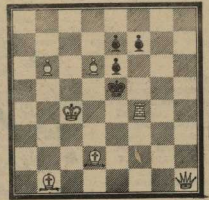
Задача № 3
В. Аленев (Москва)

Мат в 2 хода

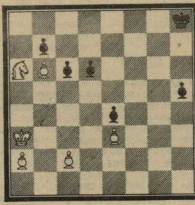
Задача № 4
Н. Иванов (Ногинск)

Печатаются впервые

Начинают белые
Мат в 2 хода

Этюд № 1
Д. Гольберг (Симферополь)

Гинья

Фамилия читателей, приславших правильные решения, будут напечатаны. Весь материал в отдел обязательно помечать «В шахматный отдел».

„Шахматы или пятилетка“

Во многих наших изданиях (и газетах, и журналах) мы встречаем шахматные отделы. Они кричат о «шахматах и шахах в массы», призывают на шахматный фронт (это — из одного из московских журналов). На многих предприятиях есть шахматные кружки, секции и т. п. Я, конечно, не против этого. В огромном воспитательном значении шахмат я также не сомневаюсь. Мне лишь хочется сказать несколько слов о том, как, по-моему, не нужно продвигать шахматы в массы, да сосредоточиться с вами о том, как нужно это делать.

Раньше всего — о шахматных отделах. Я всегда считал (и считаю), что отдел должен быть агитатором и в то же время руководителем шахматной жизни. Раньше, чем обратиться к отряду (почти каждому!), просмотрите то издание, в котором этот отдел печатается. Каждая строчка, каждая буква его (задания) кричит о пятилетке, промфинансе, о модахх и све. А на последней странице, в шахматном отделе: «... Черный король имеет шесть свободных полей. При отходе на поле...» и так далее. В таком стиле будет обличать этот отдел. Это, конечно, не может пойти черной королю. Но сейчас будем мы рассматриваем шахматы не только как увлекательную игру, — мы выносим их в нашу жизнь, в наш быт как один из способов нашего культурного воспитания. Так ведь? Значит, шахматы должны как-то увязываться с окружающей нас средой, с нашими потребностями и желаниями. А делают это наив, даже самые хваленые, шахматные отделы? Нет! «Свободные поля черного короля» заслонили от них наше, советское значение шахмат.

Это же можно сказать и о многих наших кружках. Я не знаю ни одного кружка, который работал бы согласованно с задачами своего производства. Все это составляет меня усомниться в том, в праве ли мы двигаем шахматы в массы, т. е. отнимать у нас время на дело, которое с их жизнью и задачами не связано. Ведь мы имеем много видов культурного досуга, которые в то же время связаны с пятилеткой, помогаюг нам в ее... и в минуты отдыха хороших участников нашей социалистической страны.

Или, может быть, я ошибаюсь? Может быть, шахматы все-таки можно тоже сделать участником выполнения нашей четырехлетней пятилетки?

Л. Рабинович (Москва)

От редакции. Вопросы, волнующие тов. Рабиновича, не являются не только ему. Многие еще наши шахматисты не могут сделать шахматы не простым развлечением, а воспитательным масс, не видят даже путей для этого. А между тем эти пути есть. Они, правда, еще мало исследованы, подчас даже непригодны. Их нужно сделать достоянием всех шахматистов. Вот цель нашего «митага». Мы предоставляем слово всем, кому что-либо непонятно в путях развития нашего шахматного движения. Мы даем слово всем кружкам, которые нашли пути для продвижения шахмат и шахов в широкие массы трудящихся. Наконец, мы даем отклик от руководителей советского шахматного движения.

Итак, как по-вашему: могут ли шахматы принять какое-либо хотя бы небольшое участие в пятилетке?

Учись играть в шахматы

Есть много желающих научиться играть в шахматы, но не знающих, как это можно сделать. Учителя ведь не всегда найдешь, а на хороший учебник тоже не всегда натолкнешься. Цель этой небольшой заметки — указать на умеющего играть в шахматы пособия, которые помогут ему одолеть предрассудки этой игры.

Лучшая и наиболее доступная «шахматная азбука» — это «Сам о читатель шахматной о и игры» М. Эйве и де-Герто. Эта небольшая книжка (96 страниц) выпущена в конце 1930 года издательством «Физкультура и туризм», стоит лишь 45 копеек. Она просто и понятно объясняет основы шахматной игры. Особенно ценно то, что книжка построена на основе лабораторного метода работы, требующего активности самого читателя. Эту книжку можно выписать из магазина «Воениздат» (Ленинград, пр. 25 Октября, 20).

Не плоха «Шахматная азбука» Грехова и Ненарокова. Но она давно не переиздавалась, так что ее труднее достать, чем первую.

На худой конец можно воспользоваться и книжкой Шуккина: «Учись играть в шахматы и шахи» (ГИЗ. 1929 г., цена, 40 коп.).

О других, более углубленных книгах, в которых излагаются уже «тонкости» шахматной игры, мы расскажем позднее.

Мелочи

В конце прошлого столетия какой-то американец, не умевший играть в шахматы, изобрел рецетт «непроигрышания» в шахматы. Этот «рецетт» был не хитер; нужно, играя черными, точно копировать ходы белых. Игра, по мнению изобретательного американца, должна была развиваться без получения кем-нибудь из противников преимуществ и окончиться мирно ничьей. Но при первом же испытании своего изобретения он потерпел жестокое фиаско: знаменитый составитель задач С. Лойд, даже не глядя на доску, объявил, что, играя по рецетту, «обезначания», черные получают мат в четыре хода... Тут же он продемонстрировал эту небольшую партию. Предлагаем и нашим читателям опровергнуть рецетт самоуверенного американца. Фамилия читателей, разрешивших эту задачу, будут опубликованы.

Бывший чемпион мира после проигрыша матча Александру заговорил о «дичей смерти» шахмат. Он говорит, что, видя большой разработанности теорией отдельных стадий партии, каждое сражение между сильными игроками так или иначе должно окончиться ничьей. Не найдя сторонников этой теории, Капабланка все же начал на практике доказывать преимущества «ничейничия», «драхлевские» шахматы разных новшества. Для начала он сыграл с грешмишем ранее игроком Г. Мароци мат на «новых» шахматах: с каждой стороны было по 32 фигуры, игра происходила на гигантской доске — в 192 году!

Но и тут не нашлось желающих последовать за ним. Еще был — ведь средняя продолжительность серьезной партии на таких шахматах почти равна суткам.

Голодающие американские земледельцы у здания Красного Креста в штате Арканзас

Большевистская путина начинается.
В бой за 22.000.000 центнеров рыбы.

